

ГРАНЬ

Книга первая. Сеть
Torian Moragan

На грани живых и мёртвых
нет правильной стороны.
Есть только та, на которой ты стоишь.

Torian Moragan

Грань

<https://litres.ru/74504563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инженер Артём Колесников два года строил экзоскелет, чтобы таскать брёвна. Он успел за пять недель превратить его в боевую броню — и за одну ночь мир, которому эта броня была нужна, рухнул.

Вирус, созданный корпорацией «Прометей» по заказу военных, вырвался из лаборатории. Десятки процентов заражённых умирают. Выжившие — меняются: кто-то замирает навсегда, кто-то обретает способности, которым не место в человеческом теле.

Бывший офицер безопасности «Гелиос» Елена Воронцова знает, как это началось.

Вместе — инженер в самодельной броне, женщина с чужого берега и группа выживших, среди которых всё больше тех, кого коснулся вирус, — они идут на юг. Туда, где догорает долина, где военные закрывают дороги танками, а в тёмной воде отражается тонкая золотая линия света.

Грань» — история о людях, которые оказались на грани живых и мёртвых, человека и машины, вируса и эволюции. И о том, что

рождается по эту сторону грани, — когда мир уже закончился, а
они ещё нет

Содержание

Глава 1 Стук в дверь	5
Глава 2 Свои	25
Глава 3 Живые	38
Глава 4 Свои чужие	56
Глава 5 Ложь	75
Глава 6 Торг	94
Гл	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Torian Moragan

Грань

Глава 1 Стук в дверь

Паяльник прожѐг ещё одну дыру в термозащитной плѐнке. Артѐм чертыхнулся, отложил его и долго смотрел на то, что полчаса назад было сервоприводом, а теперь стало куском пластика с оплавленными контактами.

Третий за неделю.

Он откинулся на спинку кресла — единственного целого предмета в гараже, переоборудованном под мастерскую. Всё остальное было либо оборудованием, либо мусором. Стеллажи с деталями, станок, три монитора на кронштейнах, гирлянда проводов под потолком. Пахло канифолью и остывшим металлом. Окно Артѐм заколотил фанерой после того, как в марте по соседству разнесло трансформаторную будку — то ли диверсия, то ли «наработка» одной из соревнующихся за кубанские ресурсы корпораций. Разницы уже не было.

Экзоскелет висел на раме посреди гаража, как туша на крюках. Каркас из титанового сплава, приводы на магнитной муфте, система балансировки на гироскопах — два года работы. Гражданский проект. Грузовой. Артѐм придумал его

для сельского хозяйства и лесозаготовки: машина, которая позволяет человеку таскать брёвна и не сносить позвонки. Идея была хорошая. Идея была мёртвая.

Новости он перестал смотреть ещё в августе, но сводки ползли в мессенджер независимо от его воли. Тайвань — снова. Конфликт в Африке — утроился. Ресурсные войны, которые два года назад казались далёкими и абстрактными, подошли к границам так близко, что Артём слышал гул вертолётов, когда ветер дул с востока. Военные базы расползались по краю, как сыпь. «Южмаш-Девелопмент», «Кубань-Ресурс», ещё полтора десятка компаний помельче — все они вдруг решили, что им нужна собственная безопасность. А собственная безопасность в их понимании означала людей с оружием и техникой, которая делает «бум».

Артём снова взял паяльник.

— Нет, — сказал он вслух. — Не сейчас.

«Не сейчас» — это он экзоскелету. Или себе. Разница стёрлась месяц назад, когда он осознал, что проект, в который вложил два года и все сбережения, никому не нужен. Не потому, что плох. Потому, что мир перешёл в другую фазу, где сельское хозяйство и лесозаготовки были изящными излишествами.

Он выключил паяльник и подтянул к себе ноутбук. На экране — чертежи. Не те, над которыми он работал полгода. Новые. Начатые три недели назад, после того, как по сети поползли записи из Мьянмы: боевые экзоскелеты корпо-

рации «Гелиос» в деле. Бронепехота. Тяжёлая, неповоротливая, но живучая — три попадания из крупнокалиберного и ноль трупов. Артём смотрел эти записи раз двенадцать, пока не вырвал каждый кадр в память. Не от восторга от злости. Потому что видел, как это должно работать. И видел, что у «Гелиоса» получилось плохо.

У него могло получиться лучше.

Он открыл папку «ДАННЫЕ». Внутри расчёты по бронированию, схемы распределения ударной нагрузки, эскизы модульных пластин. Всё набросано на скорую руку, но математика была верная. Если вместо грузовой рамы повесить бронепластины из карбида бора, если изменить точку приложения силы на приводах, если врезать систему аварийного сброса — получится штука, в которой человек может идти под огнём.

Артём знал, что делает оружие. Знал и откладывал это знание на потом — туда, где жили все неудобные мысли. Но потом подкатывало всё ближе.

Телефон завибрировал на столе. Незнакомый номер. Краснодарский код.

— Артём Сергеевич Колесников? — голос женский, деловой, без интонации.

— Да.

— Меня зовут Вера Логинова, я представляю интересы «Кубань-Инжиниринг». Нам передали данные по вашему проекту — гражданский экзоскелет, титановый каркас, маг-

нитные муфты. Мы хотели бы обсудить возможность сотрудничества.

— Кто передал?

— Этого я сказать не могу. Но данные нас заинтересовали. Мы готовы предложить финансирование и производственную базу. При условии адаптации проекта под наши текущие задачи.

— Под какие задачи?

Пауза. Короткая, но Артём её услышал.

— Узнаете при встрече. Десять утра, бизнес-центр «Меридиан». Подъезд с торца. Пропуск оформим.

— Я подумаю.

— Не долго. Обстоятельства меняются быстро.

Связь оборвалась. Артём положил телефон экраном вниз, как будто тот мог подслушивать.

«Кубань-Инжиниринг» — дочерняя структура одной из ресурсных корпораций. Военные подрядчики. Значит, «текущие задачи» — это война, просто без слова «война».

Он посмотрел на экзоскелет. Потом на чертежи боевой версии. Потом снова на экзоскелет.

Два года. Пятьсот тысяч вложено. Сорок тысяч часов, если считать с бессонными ночами. И всё это в гражданский проект, который миру больше не нужен.

Артём сохранил файлы на два накопителя, один убрал в сейф, второй в нагрудный карман. Выключил свет. Запер гараж на два замка.

Этой ночью он не спал. Не потому, что думал. Потому, что знал: ответ уже готов, ещё до звонка.

Утро встретило дождём и запахом гари — где-то на окраине снова горело, но близко, ближе, чем вчера. Артём бросил рюкзак с ноутбуком и накопителями в багажник «Лады» и поехал через город.

Краснодар не был городом, который готовился к войне. Он был городом, который делал вид, что войны нет. Кофейни работали, светофоры мигали. Но между этим — броневики на кольцевой, патрули у административных зданий, беспилотники над рынком. Артём насчитал три за десять минут. Раньше видел один в неделю.

Бизнес-центр «Меридиан» — стекло и бетон, с двумя деталями: блоки у въезда и камера на каждом метре фасада. Артём оставил машину за углом и вошёл.

Его ждали на четвёртом этаже, в переговорной без окон. Длинный стол, три человека. Женщина, которая звонила, — Вера Логинова, лет тридцати пяти, стрижка, костюм, взгляд человека, который проверяет вас на угрозу раньше, чем здороваются. Слева мужчина с выправкой, которая кричала о военной академии. Справа молодой парень, технический тип, глаза бегают по планшету.

— Артём Сергеевич, — Вера протянула руку. Рукопожатие было крепким и коротким. — Садитесь.

Мужчина с выправкой заговорил первым.

— Полковник Дроздов. Курирую техническую часть про-

екта «Заслон». Сразу к делу: нам нужна бронепехота. Не через год, не через полгода. Сейчас. «Гелиос» делает тяжёлый хлам, в котором человек — ходячая мишень. Китайские варианты рассыпаются после первого боя. Нам нужно то, что сделает человек, который понимает механику, а не клекает броню по тендеру.

— И вы думаете, что я — этот человек, — сказал Артём.

— Мы знаем, — сказала Вера. — Ваш гражданский экзоскелет решает три проблемы, с которыми военные модели не справляются: вес, манёвренность и автономность. Магнитные муфты гениально. Гироскопическая балансировка у военных до сих пор гидравлика, которая рвёт суставы. Вы сделали систему, в которой человек двигается естественно. Нам нужно то же, но с защитой.

— С защитой и оружием, — добавил Дроздов.

Артём кивнул. Не потому, что согласился. Потому, что ждал этого. Он не спросил «против кого» — ответ был очевиден. Против всех. Ресурсные войны не разбирали сторон — были только территории и то, что под ними.

— Что предлагаете?

— Лаборатория, материалы, оборудование. Бюджет по факту. Оплата поэтапно, первый транш в течение недели. Срок — два месяца на прототип.

— Два месяца мало.

— Хватит, — сказал Дроздов. — Если не строить с нуля. У вас есть каркас, приводы, система балансировки. Нужно

обвесить и перенастроить.

Он был прав. Но что-то цепляло — не цифры. То, как Вера смотрела на него: не как заказчик на подрядчика. Как человек, который выбирает, кому доверить жизнь. Чью-то жизнь, не свою.

— Я посмотрю условия, — сказал Артём.

— Конечно, — Вера улыбнулась. Коротко и тепло. Нешёлково. — Но, Артём Сергеевич, времени почти нет. Мы получаем данные о наращивании «Гелиос» на восточном фланге. Если они сделают ход первыми, через месяц тут будет не до лабораторий.

Следующие три недели Артём жил в лаборатории на территории старого завода. Ангар с нормальным освещением, станки, 3D-принтер по металлу, запас титанового прутка и карбида бора — всё, о чём он мечтал, корпя в гараже на свои деньги.

Он разобрал гражданский экзоскелет до костей и начал собирать заново. Бронепластины карбид бора на титановой подложке, с керамическим напылением. Угол наклона рассчитан так, чтобы пуля рикошетила. Приводы перенастроены на боевой режим: больше тяги, меньше отклика, выше расход батареи. Система балансировки осталась, но добавился аварийный сброс: если экзоскелет повреждён, пластины отстреливаются пиропатронами, и человек может двигаться свободно.

Он работал по четырнадцать часов. Спал на раскладушке

в углу. Ел сухпайки, которые привозил техник Лёша — тихий, исполнительный, не задающий вопросов.

Дроздов приезжал раз в три дня. Смотрел, молчал, кивал. Однажды сказал:

— В Мьянме «Гелиос» провёл зачистку. Полк пехоты против двадцати бронированных. Пехота проиграла. Но бронепехота не смогла идти по грязи — приводы заклинило. Двадцать машин застряли в джунглях. Все двадцать. Люди внутри сгорели.

Артём остановился. Дроздов смотрел.

— Сделайте так, чтобы наши не застряли, — сказал он и ушёл.

Артём переработал охлаждение приводов. Добавил фильтры, герметизацию, дренажные каналы. Вылил на экзоскелет два ведра грязи и прогнал по треку. Не заклинило.

Он звонил Вере, когда нужны материалы. Она решала быстро, без проволочек. Артём поймал себя на том, что ждёт этих звонков — не из-за материалов.

Однажды она приехала сама. Стояла в дверях, пока он ковырялся в сервоприводе, и молчала минут пять. Потом:

— Вы знаете, что «Гелиос» — не самая страшная проблема.

— А какая?

— «Прометей». Биотехнологическая корпорация. Три недели назад их лаборатория в Казахстане... — она замаялась. — Там что-то произошло. Периметр закрыт, связь с персо-

налом потеряна. Карантинная зона в сорока километрах.

— Вирус?

— Возможно. Мы пытаемся получить данные. Пока только слухи.

Артём обернулся. Вера выглядела так, будто не спала не меньше, чем он.

— Если это вирус, — сказал он, — броня от него не поможет.

— Нет. Но броня поможет от того, что будет, когда вирус сделает своё дело.

Прототип был готов через пять недель. Артём стоял перед ним в пустом ангаре и чувствовал то, что не мог описать словом. Экзоскелет висел на раме — тёмный, матовый, с острыми гранями бронепластин. Как насекомое. Как хищник. Как нечто, чему не место в руках инженера, который хотел таскать брёвна.

Он залез внутрь. Подножки, фиксаторы, поясной модуль, нагрудник, наплечники, шлем. Система ожила — тихое гудение, щелчок калибровки, гироскопы. Веса почти не чувствовалось. Магнитные муфты держали, как задумано: человек двигается, машина следует.

Шаг. Второй. Третий. Потом бег — сорок метров ангара за несколько секунд, конструкция дышит вместе с ним. Удар по бетонной стене — кулак в бронепластине оставил вмятину, руку не почувствовал.

Приехал Дроздов. Ходовые испытания, грязевая ванна,

песок, огневая имитация — Лёша стрелял из АК по нагрудной пластине с десяти метров. Пули отскочили.

Дроздов снял фуражку и провёл рукой по лицу.

— Сколько вы можете сделать?

— Прототип — один. Если дать пять человек, через месяц — пять. Через три — двадцать.

— У вас есть неделя, — сказал Дроздов. — Потом это уже не будет иметь значения.

Он ушёл. Артём понял: что-то изменилось. Не в проекте в мире.

Вечером позвонила Вера. Голос был ровным, как у хирурга перед сложной операцией.

— Запритесь. Не выходите. «Прометей» подтвердил утечку. Это не слухи.

Артём открыл новостную ленту. «Прорыв карантинного периметра». «Эвакуация северных районов Казахстана». Одиннадцать стран закрыли границы за два часа. ВОЗ созывала чрезвычайный комитет. Видео — клубящиеся облака газа, люди в защитных костюмах, колонны техники на дорогах.

Артём выключил телефон. Броня от вируса не помогает. Но Вера была права: броня помогает от того, что будет потом. А потом — паника. Мародёрство. Люди с оружием пойдут за едой, за водой, за топливом.

Он запер ангар на четыре замка и лёг на раскладушку. Сон не шёл. За стеной гудел генератор. Где-то далеко, невидимое

и безымянное, ползло по миру, меняя всё, к чему прикасалось.

Утро было слишком тихим. Артём вышел из ангара — и не услышал машин. Дорога за забором всегда гудела. Сейчас ничего. Только дождь и ветер.

Радио: часть станций молчала, часть передавала аварийный сигнал. Одна работала — механический голос читал указ о чрезвычайном положении. Комендантский час. Ограничение продажи топлива и продуктов. Мобилизация резервистов до сорока лет. Границы региона закрыты. Выезд по спецпропускам.

Артём собрал рюкзак: ноутбук, накопители, аптечка, сухпайки на три дня, фонарь, нож. Потом посмотрел на экзоскелет.

Снял с рамы. Надел. Батарея полная. Приводы в норме. Бронепластины на месте. Оружие. Лёшин АК, оставленный в углу после испытаний, и два магазина.

Он вышел к воротам.

За воротами стояла женщина.

Защитный костюм — армейский, не медицинский. Капюшон, респиратор. Лицо почти не видно — только глаза. Тёмные, спокойные, уставшие. В правой руке — пистолет, ствол в землю. Левая прижата к боку. Сквозь ткань сочилось что-то тёмное.

— Не стреляйте, — сказала она. Голос хриплый, ровный.
— Мне нужна помощь.

— Кто вы?

Она стянула респиратор. Лицо было знакомым. Артём видел его в новостях, в сводках, в материалах, которые Дроздов забывал на столе. Майор Елена Воронцова. «Гелиос». Офицер безопасности. В списках — «враждебный элемент».

— Вы из «Гелиоса», — сказал он.

— Была. «Гелиос» больше нет. Вирус они не просто потеряли контроль, они стали первой жертвой. Лаборатории в Казахстане стояли рядом с нашими объектами. Периметр «Прометея» прорвался, и первым делом накрыло нас. Я ушла три дня назад. Шла пешком. Вчера перестрелка на блокпосту. Свои же, — усмехнулась она. — Вернее, уже ничьи.

Рана в боку — сквозная, судя по тому, как она держалась. Кровь текла медленно, но текла.

— Внутри, — сказал Артём.

Она вошла. Он закрыл ворота.

Он не спросил, почему она пришла именно сюда. Не проверил, нет ли засады. Не позвонил Дроздову. Позже он думал об этом и не находил объяснения — кроме того, что в мире, который рушился, единственным врагом становилось само рушение, а единственным другом — любой, кто тоже пытался не рухнуть.

Артём вскрыл рану — без анестезии. Она не стонала. Только сжала зубы.

— Пуля прошла навывлет. Чисто.

— Везение — это когда пули нет, — ответила она.

Он наложил повязку. Она села на ящик, прижала руку к боку и посмотрела на экзоскелет.

— Это он?

— Он.

— Лучше, чем у нас. Легче. «Гелиос» клал в броню сто двадцать кило — человек внутри не ходил, а переваливался. Вы это решили.

— Магнитные муфты. Машина движается вместе с человеком, а не вместо него.

Елена кивнула. Потом коротко, сильно — взяла его за руку.

— Я знаю, кто вы. Знаю, что строите. И знаю, что «Гелиос» собирался вас убить, если откажетесь работать на них.

Артём замер.

— Они прислали бы вас?

— Меня — нет. Я занималась аналитикой. Но кого-то — да.

— А теперь?

— А теперь «Гелиос» — горящие здания и мёртвые люди.

— Что вы знаете о вирусе?

Елена заговорила — тихо, быстро, как будто боялась не успеть.

— «Прометей» работал над двумя проектами. Один аграрный, модификация почвенных бактерий. Второй боевой патоген. Короткая инкубация от трёх до пяти дней. Пере-

даётся воздушно-капельно и через жидкости. Летальность около девяноста процентов. Контроль потеряли на третьей неделе испытаний. Персонал заразился. Карантин не сработал вирус мутировал быстрее, чем они успевали подстраивать вакцину.

— А десять процентов?

— Девять умирают. Один... она запнулась. — Один выживает. Но «выживает» это не то слово. Вирус разрушает ткани и перестраивает их. У большинства выживших тяжёлые повреждения. Нервная система, моторика, внутренние органы. Некоторые не могут двигаться. Не могут говорить. Лежат и... она сглотнула. — Лежат и медленно умирают. Неделями.

— А некоторые?

— Некоторые — наоборот. Перестроенные ткани работают лучше, чем до заражения. Сильнее, быстрее. Но это не те люди, которыми они были. Один из наших охранников пережил вирус. Через неделю он сломал рукой стальную дверь. А потом перестал узнавать коллег. Не агрессия — нет. Просто... пустой. Как будто человека нет, а тело осталось и работает.

По спине Артёма — даже под бронёй — пробежал холодок.

— Нам нужно уходить, — сказала Елена. — Краснодар в списке городов риска. Если вирус дойдёт, через неделю никому будет носить вашу броню.

— Куда?

— На юг, через горы. Заброшенная военная база у перевала. Укрытие, запасы. Если идти ночью — успеем.

Артём посмотрел на экзоскелет. На рюкзак. На Елену. На дверь, за которой мир менялся быстрее, чем он успевал об этом думать.

— Собираемся.

Они вышли из ангара. Дождь усилился. Дорога пуста. Город, который ещё вчера делал вид, что живёт, замолкал на глазах.

Артём сделал первый шаг. Экзоскелет гудел тихо и ровно, как второе сердце. Елена шла рядом — прихрамывая, но не отставая.

За спиной остался ангар. Два года работы. Мечта о гражданском проекте, который мог бы помогать людям.

Впереди были горы, которых он не видел за пеленой дождя.

Елена держалась за его бронированную руку. Не потому, что не могла идти сама. Потому что идти одной было страшнее.

Он понимал.

Они прошли километра три, когда из-за поворота выехала колонна. Три «Урала» с брезентовыми тентами, БТР в голове и в хвосте. Военные. Артём потянул Елену за обочину, но колонна уже остановилась.

Из БТР вылез офицер — молодой, с автоматом, с глазами человека, который не спал трети сутки.

— Куда? — крикнул он.

— На юг, — ответил Артём.

— На юг нельзя. Перевал закрыт. Обвал. Дорогу разнесло ночью.

— С каких пор обвалы закрывают дороги бронёй? — спросила Елена.

Офицер посмотрел на неё. Потом на экзоскелет. Потом снова на неё.

— Вы из «Гелиоса»?

— Была.

— У нас приказ. Всех, кто из «Гелиоса» и «Прометея» — задерживать. Проверка на заражение. Карантин сорок восемь часов.

— Заражение не определяется за сорок восемь часов, — сказала Елена. — Инкубация до пяти дней.

— Это не мой приказ, офицер устало опустил автомат. — Слушайте, мне всё равно. У меня тридцать человек в машинах, все голодные, у двух температура. Я не знаю, вирус или нет. Мне нужно доехать до пункта рассредоточения, а дорога вот, он махнул рукой на юг. — Обвал или не обвал, но проезда нет. Мы разворачиваемся на Краснодар. Если хотите езжайте с нами. Но в городе скоро будет хуже.

— Почему?

— Поставки продовольствия прекратились вчера. Склады опечатаны военной комендатурой. Народ это узнал и пошёл. Час назад разгромили «Магнит» на Тургеневском. Два тру-

па. он помолчал. — Два пока.

Колонна развернулась и ушла на север. Артём и Елена стояли на пустой дороге.

— Обвал, — сказала Елена. — Удобно.

— Ты думаешь, не обвал?

— Я думаю, что если военные закрывают перевал бронёй, значит, там что-то, чего они не хотят показывать. Обвал — это для тех, кто не спросит.

Артём посмотрел на юг. Дорога уходила в лес, за поворотом — горы. Обвал или нет, но путь был один.

— Идём пешком. Если обвал — обойдём. Если не обвал — посмотрим, что они прячут.

Елена кивнула. Они двинулись дальше.

Через час дорога кончилась. Не обвалом — просто асфальт оборвался, как будто кто-то отрезал его ножом. Дальше грунтовка, разбитая колеями, уходящая в лес. Артём сверился с картой в телефоне: сеть ещё работала, но едва. Сигнал прыгал, страницы грузились по минуте.

Лес был мокрый, тёмный, пахнувший землёй и хвоей. Дождь стих, но тучи висели так низко, что казалось — можно дотянуться рукой. Елена молчала, держала темп. Рана, судя по всему, перестала кровоточить — повязка держала.

Они прошли ещё километра два, когда Елена остановилась.

— Слышишь?

Артём прислушался. Сначала ничего. Потом слабый звук.

Как будто кто-то стучал. Ритмично, монотонно. Стук-стук-стук. Пауза. Стук-стук-стук.

— Оттуда, — Елена показала влево, где между деревьями виднелась крыша. Дом, или сарай, или сторожка.

— Не ходи, — сказал Артём.

— А ты что, пойдёшь?

— Я в броне.

— В этом весь смысл, — она не улыбнулась. Но почти.

Артём пошёл первым. Экзоскелет гудел, бронепластины тихо позвякивали при ходьбе. Между деревьями — старый дом, бревенчатый, с провалившейся крышей. Стук шёл изнутри.

Он обошёл дом, заглянул в окно.

Внутри мужчина. Лет пятидесяти. Сидел на полу у стены и стучал затылком о бревно. Ритмично. Монотонно. Глаза открыты. Во взгляд — ничего. Не пустота, не безумие — ничего. Как у выключенного экрана.

Рядом кружка с водой, перевёрнутая. Сухо. Он не пил давно.

— Заражённый? — тихо спросила Елена из-за спины.

— Не знаю. Нет температуры. Не потеет. Но...

— Он не здесь, — сказала Елена. — Вирус перестроил нервную систему. Тело живо, человек — нет. Он может так неделями. Пока не умрёт от голода или жажды. Если его не кормить.

Артём смотрел на мужчину. Тот стучал затылком о стену

— стук-стук-стук — и смотрел сквозь него.

— У него есть кто-нибудь? Семья?

— Если бы была — не сидел бы здесь один, — ответила Елена.

Артём вошёл. Налил воды в кружку из фляги. Поднёс к губам мужчины. Тот не отреагировал. Вода потекла по подбородку.

— Он не может пить, — сказала Елена. — Рефлексы отключены. Он умрёт. Просто не сегодня.

Артём вышел из дома. Дождя не было, но он был мокрым.

— Пойдём.

Они шли ещё час. Лес становился гуще. Дорога уже не дорога, а тропинка, едва заметная в траве. Елена молчала. Артём тоже. Между ними повисло то, что нельзя было проговорить — только пережить.

На развилке, у поваленного дерева, Артём остановился. На стволе — зарубка. Свежая. Рядом следы. Ботинки, много. Человек десять.

— Кто-то шёл сюда, — сказал он.

— И недавно, — Елена присела, тронула след. — Вчера. Может, сегодня утром.

— Куда?

— Туда, — она показала на тропинку, уходящую вправо, вверх по склону. — К перевалу. Они тоже идут к перевалу.

Артём посмотрел следы. Потом на тропинку. Потом на Елену.

— Может, они тоже знают о базе.

— Может, — она встала, отряхнула колени. — А может, это мародёры. А может, военные без формы. А может, семья с детьми. В этом мире уже неважно, кто. Важно, что они идут туда же, куда и мы.

— Ты всегда так прагматична?

— Я выжила в «Гелиосе». Там это был единственный способ.

Они двинулись по следам. Тропинка поднималась. Лес редел. Впереди, сквозь просветы в деревьях, Артём увидел горы — серые, мокрые, низкие облака цеплялись за склоны.

И тут он услышал. Сначала далеко, едва. Потом ближе.

Выстрелы. Короткая очередь. Потом одна. Потом тишина.

Елена посмотрела на него.

— Идут туда же, куда и мы, — повторила она. — И уже не одни.

Артём перехватил АК. Экзоскелет гудел на его спине, как второе сердце — ровно, тихо, бесстрашно.

Он шагнул вперёд.

Глава 2 Свои

Выстрелы стихли. Артём не побежал — экзоскелет не для бега по пересечённой местности, хоть приводы и держали. Он шёл быстро, перешагивая через корни, и Елена семенила за ним, прижимая руку к боку.

Тропинка вильнула влево, и Артём увидел.

Поляна. Поваленное дерево поперёк тропы. За ним три тела. Два лежали лицом вниз, третий на спине, с дробовиком поперёк колен. Все в гражданском. Ещё двое живых стояли на коленях у дерева, руки за головой. Перед ними четверо. Вооружённые, в гражданском, но с выправкой. Один с автоматом, двое с охотничьими ружьями, четвёртый здоровый, с топором.

Мародёры. Артём видел это по движениям: не военная дисциплина, не бандитская суета — что-то между. Люди, которые неделю назад были нормальными, а теперь решали, что можно отнять.

Здоровый с топором говорил:

— Куда шли? К перевалу? Зачем к перевалу?

Мужчина на коленях лет сорока, седой, в спортивном костюме молчал. Женщина рядом молодая, рыжая, с разбитой губой тоже молчала, но смотрела на топор.

— Ну ладно, — здоровый поднял топор. — Тогда не пойдёте.

Артём вышел на поляну.

Экзоскелет решал. Не бой — сам факт. Два метра матового металла, бронепластины, шлем с визором. Мародёры обернулись, и Артём увидел, как у того, что с автоматом, дрогнула рука — не от страха, от непонимания. Они ждали людей, не машин.

— Опустите, — сказал Артём. Голос в шлеме звучал плоско, металлически.

— Ты кто? — здоровый не опустил топор, но шагнул назад.

— Идём своей дорогой. Не трогайте их — и я не трону вас.

— А если тронем?

Артём поднял правую руку. Экзоскелет сжал кулак — сервоприводы щёлкнули, и звук был как щелчок замка. Здоровый посмотрел на этот кулак. Потом на своих. Потом снова на кулак.

— Уходите, — сказал он. — Уходим.

Четвёрка отступила в лес. Не побежала — ушла. Артём стоял, пока треск веток не стих. Потом опустил руку.

Елена вышла из-за деревьев.

— Долго думали, — сказала она.

— Думали ровно столько, сколько надо.

Мужчина на коленях встал. Его звали Сергей. Женщина. Наташа. Третий сидевший у дерева с дробовиком поднялся сам: Геннадий, сосед Сергея. Двое лежавших были мертвы

знакомые, шедшие с ними. Дорога от Краснодара заняла сутки, и последние пять километров вот этот результат.

— Сколько вас было? — спросил Артём.

— Восемь, — Сергей говорил ровно, но голос дрожал на границах слов. — Двоих застрелили. Ещё двое ушли утром — испугались, свернули. Мы шестеро были. Теперь четверо.

— Четверо? — Елена посчитала. — Вы, Наташа, Геннадий. Кто четвёртый?

— Дед, Сергей кивнул в сторону деревьев. — Паша. Он не выходил, когда... он замолчал. — Он не очень хорошо себя чувствует.

Артём и Елена переглянулись.

— Что с ним? — спросила Елена.

— Не знаю. Со вчерашнего вечера тихий. Не ест, не пьёт. Говорит, что голова болит. Думали, устал. Ему семьдесят, шли тяжело.

— Покажи, — сказала Елена.

Паша сидел под дубом, в куртке на вате, с узлом в ногах. Старый, высохший, с лицом, похожим на мятый пергамент. Глаза открыты, но мутные. Дышал часто, поверхностно.

— Дед, — Сергей присел рядом. — Тут люди. Помощь.

Паша повернул голову. Медленно. Посмотрел на Елену, потом на экзоскелет. Ничего не спросил.

— Температура? — Елена присела, приложила тыльную сторону ладони ко лбу старика. Горячий.

— Со вчерашнего вечера, — Сергей.

— Носовое кровотечение было?

— Откуда вы знаете? Да, ночью. Я вытирал.

Елена встала. Посмотрела на Артёма. Не сказала ничего, но он прочёл.

— Сергею кивнула в сторону, и они отошли на пять шагов.

— Симптомы, — сказала она тихо. — Три дня инкубации. Если он заражён до нас у нас мало времени.

— Ты уверена?

— Нет. Но это не простуда. Семьдесят лет, слабый иммунитет — идеальный носитель.

— Что предлагаешь?

— Не паниковать. Пока не паниковать. Но изолировать.

— Он не собака, Елена. Это дед, который шёл с семьёй.

— Я знаю. Но если вирус сработает так, как я видела в «Гелиосе», через двое суток он перестанет быть дедом. А ещё через двое — человеком.

Артём посмотрел на Пашу. Тот сидел под деревом и смотрел в никуда. Глаза мутные, но не пустые. Не такие, как у мужчины в лесном доме. Пока не такие.

— Мы идём вместе, — сказал Артём. — Но я скажу Сергею, что нужно держать дистанцию. Паша отдельно. Никто не подходит ближе двух метров. Пьёт из своей фляги. Ест если сможет из своих рук.

— Согласна.

Сергей принял новости без крика, но с лицом, на котором всё обрушилось разом.

— Вы уверены?

— Нет, — ответила Елена. — Но лучше перестраховаться.

— А если он просто простудился?

— Тогда через два дня он поправится, и мы посмеёмся.

Сергей не засмеялся. Он кивнул, подошёл к Паше, сел рядом на два метра дальше, чем обычно — и сказал:

— Дед, мы дальше идём. Ты не против?

Паша посмотрел на него и впервые за день заговорил:

— Идём. Только голова.

— Я знаю, дед.

Геннадий молчаливый, кряжистый, с дробовиком и рюкзаком не задал вопросов. Он ходил по лесу тридцать лет, охотился, знал, что в природе бывает так: выглядит одно, а оказывается другое. Лучше не спорить с тем, кто знает больше.

Наташа промолчала. Она вообще говорила мало — только когда её спрашивали. Артём заметил, что она смотрела на экзоскелет так, как смотрят на спасательный круг.

Они шли до темноты. Тропинка поднималась, лес редел, и деревья уступали место кустарнику и камням. Артём шёл первым — экзоскелет держал, но берёга батарею: переключил на эконом-режим, приводы работали тише, реакция медленнее. АК на ремне, два магазина в подсумке.

Елена — второй. Рана не беспокоила, но темп держала осознанно, не рвалась. Артём заметил, что она двигается как военный: шаг ровный, голова поворачивается, руки свободны. Не штатская, не полностью.

Сергей и Геннадий за ними. Наташа рядом с Сергеем. Паша — последний, в пяти метрах от группы. Он шёл сам, медленно, но шёл.

На привале, когда стемнело, Артём разжёг мини-горелку. Сухпайки на шестерых хватало на один раз. Артём отдал свой — Елена заметила.

— Ты не ел.

— Не хочу.

— Врёшь.

— Вру. Но не съем. На броне — не до еды.

Она молча разломала свой сухпай и половину протянула ему. Он взял. Они ели молча, сидя спина к спине — его бронированная, её обычная, в защитном костюме, который она так и не сняла.

— Почему ты ушла из «Гелиоса»? — спросил Артём.

— Потому что они собирались использовать вирус. Не «Прометей» — свой. Собственный. «Гелиос» финансировал «Прометей», но параллельно разрабатывал доставку: дроны, распылители. Я узнала за два дня до утечки. Попыталась поднять тревогу. Меня записали в предатели. Когда вирус вышел из лаборатории — сбежала. Не героизм. Инстинкт.

— А сейчас?

— А сейчас — не знаю. Я больше не работаю на корпорацию. Не работаю на государство. Не работаю ни на кого. У меня нет плана, нет тыла, нет резерва. Только вперёд.

— У меня тоже.

Она не ответила. Но прижалась спиной чуть плотнее.

Ночью Паше стало хуже. Артём проснулся от звука — не стон, не кашель, что-то между. Мокрое, булькающее.

Он подошёл. Старик лежал на спине, глаза открыты. Из носа — тёмная, густая кровь. Не течёт — сочится, медленно. Дышит рвано, с хрипом.

— Елена.

Она подошла, присела. Проверила пульс — слабый, быстрый. Посмотрела на кровь. Понюхала — не брезгуя, профессионально.

— Не похоже на обычное носовое кровотечение. Слишком тёмная. Это...

— Сколько ему осталось?

— Не знаю. Может двое суток. Может меньше. Зависит от того, как вирус перестраивает ткани. У молодых дольше. У старых быстрее.

— Он мучается?

— Пока да. Потом... она замолчала. — Потом может стать хуже. Или лучше. Или никак.

Артём вернулся к рюкзаку. Достал аптечку. Шприц, обезболивающее — то, что Лёша принёс для испытаний, на случай травмы. Артём не планировал использовать его так.

— Это не вылечит, — сказала Елена.

— Знаю. Но он будет спать, а не чувствовать.

Она кивнула. Артём сделал укол. Паша закрыл глаза. Дыхание выровнялось — не стало здоровым, но стало тихим.

Сергей стоял в трёх метрах. Молчал. Наташа стояла за ним.

— Он... — Сергей не закончил.

— Он спит, — сказал Артём.

Утром Паша не проснулся. Дышал но не открывал глаза, не реагировал на голос, на прикосновение. Сергей тряс его за плечо ноль. Наташа за руку ноль.

Елена присела, проверила зрачки. Расширенные, почти не реагируют на свет.

— Кома? — Сергей.

— Не совсем. Вирус перестраивает нервную систему. Это не кома — это... система перезагружается. Что в неё загрузится — неизвестно.

— То есть он может очнуться?

— Может. Другим.

Сергей сел на землю. Наташа стояла рядом, положила ему руку на плечо.

— Мы не можем его бросить, — сказал Сергей.

— Мы не можем его нести, — сказал Геннадий. Первые слова за утро.

— Я понесу, — сказал Артём.

Все посмотрели на экзоскелет.

— Батарея? — Елена.

— Хватит. Двадцать килограмм — не вес для этой машины.

Он снял раму рюкзака, пристроил Пашу на спину, закре-

пил ремнями. Старик весил мало — высохший, лёгкий, как хворост. Экзоскелет принял нагрузку без звука. Гироскопы чуть сместили баланс — и всё.

— Идём.

Перевал открылся внезапно. Лес кончился, и они вышли на голый каменный склон. Ветер ударил — холодный, мокрый, с запахом гари. Не слабым, далёким, как в Краснодаре, — плотным, свежим, как от костра, который только что потушили.

Артём остановился.

Дорога внизу — целая. Не обвал. Не разлом, не трещина, не оползень. Асфальт ровный, без единой трещины. Бетонные отбойники на месте. Мост через ущелье — целый.

Дорога была открыта.

— Обвал, — сказала Елена. Тихо, без злости. Просто подтвердила.

— Зачем закрыли?

— Затем, что за перевалом — вот это.

Она показала вниз, на южную сторону. Артём посмотрел. Дым. Не один — много. Столбы чёрного и серого, поднимающиеся с земли, как из кратеров. Не от одного пожара от десятков. Долина за перевалом горела. Не лес — поселения. Станицы, хутора, маленькие городки, рассыпанные по предгорьям. Всё горело.

И тишина. Ни сирен, ни машин, ни вертолётов. Тишина, в которую не веришь, потому что она не может быть насто-

ящей.

— Что там произошло? — Наташа. Первый раз за день — голос.

— То, чего боялись, — ответила Елена. — Вирус дошёл раньше, чем мы.

Артём смотрел на долину. Дым стоял стеной, и за ним — ничего. Ни движения, ни жизни. Только огонь и дым.

— База, — сказал он. — Она ниже?

— Да. По карте — восемь километров на юг. Прямо в долину.

— В долину, которая горит.

— Да.

Сергей стоял рядом с Артёмом. Паша на спине экзоскелета не шевелился, дышал — едва.

— Значит, туда нельзя, — Сергей.

— Значит, нельзя, — Артём.

— Тогда куда?

Артём не ответил. Он смотрел на карту в телефоне — сеть ещё работала, но еле. Он нашёл дорогу: не на юг, не в долину на восток, вдоль хребта. Узкая, обозначенная как грунтовая. Вела к посёлку Лесной. Маленький, заброшенный, тридцать домов. Лес, река, старая лесозаготовка.

— Сюда, — он показал Елене.

Она посмотрела. Потом на долину. Потом на карту.

— Лесной. Знаю. «Гелиос» использовал его как перевалочную базу два года назад. Там есть склад — был. Генера-

тор был.

— Был?

— Два года назад. Сейчас не знаю.

— Это не долина. Не дым. Не огонь. Идём?

— Идём.

Они двинулись на восток. Тропа вдоль хребта — узкая, каменистая, ветер сбивал с ног. Паша на спине Артёма не двигался, но экзоскелет держал — ровно, бесшумно. Батарея таяла: эконом-режим, но подъем по камням тратил энергию быстрее, чем рассчитывал. Артём не смотрел на индикатор. Не хотел.

Елена шла рядом. Молча. Они не разговаривали — не потому, что не о чем, а потому, что слова были лишними. Каждый понимал: они вчетвером плюс старик, который умирал или менялся, и ещё неизвестно, что хуже. Впереди посёлок, который может быть пуст или занят. Сзади город, который разрушался, и долина, которая горела.

Впереди неизвестность.

Сзади конец.

Они выбрали неизвестность.

Через три часа хребет пошёл вниз. Камни уступили место траве, потом — деревьям. Тропа расширилась, и Артём почувствовал, что экзоскелет расслабился — приводы сбросили нагрузку, гироскопы успокоились.

Лес обнял их, как берёт в ладони что-то хрупкое.

И тут Паша за спиной застонал.

Первый звук за двенадцать часов. Артём остановился.

— Дед? — Сергей подбежал.

Паша открыл глаза. Не мутные, как вчера. Ясные. Стекло-янные, как у человека, который видит что-то, чего не видят другие.

Он пошевелил губами. Артём снял шлем, чтобы слышать.

— Паша, — Сергей наклонился. — Дед, ты меня слышишь?

Паша посмотрел на Сергея. Потом на Артёма. Потом мимо всех, на деревья, на свет, на что-то невидимое.

И заговорил. Тихо, но ясно:

— Я вижу дорогу.

— Какую дорогу, дед?

— Внизу. За деревьями. Дорога и дома. И люди. Живые.

Сергей посмотрел на Елену. Она стояла рядом, и на лице её было то, чего Артём раньше не видел: страх. Не паника — страх. Влажный, чистый.

— Бред? — Сергей.

— Может быть, — Елена. — А может — нет.

Паша закрыл глаза. И улыбнулся. Не как человек, который умирает. Как человек, который увидел что-то хорошее.

Артём посмотрел на Елену. Она ответила взглядом, в котором было одно: мы ещё не знаем, что с ним. Но что-то началось.

Они пошли дальше. Вниз. К посёлку Лесной.

За деревьями, вдалеке, Артём увидел: дым. Но не чёрный,

не от пожара. Серый, тонкий, прямой от трубы. Чьей-то трубы. Живой.

Паша был прав.

Глава 3 Живые

Посёлок Лесной лежал в низине, как в ладони. Два ряда домов по обе стороны грунтовой дороги, школа с разбитыми окнами, магазин с заложенными мешками, лесопилка у реки. Артём насчитал тридцать строений от крепких кирпичных до щитовых, которые ветер качал.

И дым. Тонкий, прямой, из трубы крайнего дома.

— Вижу людей, — сказала Елена. — Трое. У магазина.

Артём снял шлем и повесил на ремень. Экзоскелет гудел тихо — слишком тихо. Индикатор он не проверял с утра. Не хотел.

— Идём открыто, — сказал он. — Без сюрпризов.

— А они? — Геннадий кивнул на дробовик.

— Убери. Если местные — встретим с пустыми руками.

Если нет — успеешь достать.

Геннадий посмотрел на него, помолчал, убрал дробовик за спину.

Они спускались пять минут. Тропа вышла на грунтовую дорогу, и Артём почувствовал, как экзоскелет расслабился — ровная поверхность, эконом-режим, минимальная нагрузка. Паша на спине не двигался, но дышал.

У магазина их ждали. Трое мужчин с ружьями. Не мародёры лица другие. Не злые, не голодные испуганные. Один лет пятидесяти, в камуфляжной куртке, с двустволкой. Второй

молодой, в спортивном, с «молотком» охотничий карабин. Третий совсем мальчишка, с «мелкашкой», и руки дрожали.

— Стой! — старший. — Кто такие?

— Люди, — ответил Артём. — Идём с севера. Из Краснодара.

— Из Краснодара, — старший переглянулся с молодым. — Там что?

— Там плохо. А тут?

Старший помолчал. Потом:

— Тоже плохо. Но не так.

— Мы не заразные, — Елена. — Симптомов нет.

— Откуда знаем?

— Не знаете. Но если бы мы были заражены у нас была бы температура. Кровотечения. Мы бы не шли, а лежали.

Старший опустил ружьё — не совсем, но ствол смотрел в землю, а не в грудь.

— Меня Григорий зовут. Я тут за старшего. Вас сколько?

— Шестеро. Один — старик, без сознания.

— Без сознания — это что?

— Плохо. Нужен врач.

— Врач есть. Марина. Медсестра, но лучше, чем никто.

Григорий повёл их по улице. Посёлок жил не процветал, но жил. В окнах доски, у дверей мешки с песком. На крыше школы наблюдатель с биноклем. Два дома у въезда заложены изнутри, окна заколочены. Периметр.

— Сколько вас? — спросил Артём.

— Двадцать три. Было тридцать. Семеро ушли в долину, когда началось. Не вернулись.

— Что началось?

Григорий остановился. Повернулся. Лицо усталое, обветренное, с белыми полосами вокруг глаз от бинокля или от недосыпа.

— В долине станица Нижняя. Тысяч пять населения. Четыре дня назад первые заболели. Двое суток и все. Не все умерли некоторые... изменились. Третьего дня загорелось. Не знаем кто может, военные, может, сами подожгли, чтобы не распространялось. Дым видели? Это Нижняя. Горит четвёртый день.

— А вы?

— А мы на отшибе. Лес, река, дорога одна. Когда слухи пошли закрылись. Продукты свои, огороды, колодец. Пока хватит. Пока на день.

— Что значит «на день»?

— Значит, что через неделю есть будет нечего. Огороды осень. Скот забили, в морозилке. Морозилка от генератора. Генератор дизель. Дизеля на пять дней.

Артём кивнул. Посёлок, который держался. Ненадолго.

Марина работала в школе в классе, переоборудованном под медпункт. Тридцать лет, короткие волосы, руки уверенные, взгляд — нет. Она устала так, как устают люди, которые держат чужую жизнь, а свою забыли.

Пашу положили на раскладушку. Марина проверила

пульс, давление, зрачки. Посмотрела на кровь на повязке — Елену не попросили, она сама стянула с носа старика тампон.

— Давление — шестьдесят на сорок. Пульс сто десять. Зрачки расширены, реакция слабая. Температура — тридцать девять и два.

— Носовое кровотечение? — Марина.

— Да, — Елена. — Со вчерашнего. И до этого — два дня. Лихорадка, помутнение, кратковременная кома.

Марина посмотрела на Елену.

— Вы медик?

— Нет. Но я знаю, что это.

— И что это?

Елена помолчала. Потом:

— Инфекция. Не обычная. Вирус, который разработала корпорация «Прометей». Передаётся воздушно-капельно. Инкубация от трёх до пяти дней. Летальность — около девяноста процентов. Выжившие — меняются.

Марина отложила стетоскоп.

— Откуда вы знаете?

— Я работала в корпорации, которая финансировала разработку.

Тишина. Марина смотрела. В её глазах не было страха — было то, что хуже: узнавание. Она уже видела такое. В долине.

— Вчера, — сказала она. — До того как загорелось я спускалась в Нижнюю. Помогала. Двенадцать человек на пункте

помощи. К вечеру восемь умерли. Четверо выжили. Но... она запнулась. — Одна женщина. Молодая. Тридцать лет. Переболела, температура спала на третьи сутки. Думали поправится. А на четвёртые встала и пошла. Только... не разговаривала. Не реагировала. Смотрела сквозь. А потом я видела, как она подняла руками скамью. Металлическую, в больнице. Привинченную к полу. Сорвала с болтов и подняла.

— А другие трое? — Елена.

— Двое лежат. Не двигаются. Дышат, сердца бьются но никого нет дома. Третий мальчик, четырнадцать лет. Руки и ноги перестали работать. Говорит но не может пошевелиться. Лежит и просит есть. Просит и всё.

Елена кивнула. Артём смотрел на Пашу. Старик лежал на раскладушке, и на лице его не было ни боли, ни покоя — ничего. Маска, за которой что-то двигалось.

— Ваш старик, — Марина. — Сколько дней болеет?

— С четвёртого. Пятый.

— Он должен был умереть вчера.

— Я знаю, — сказала Елена.

Марина посмотрела на них. На экзоскелет. На АК. На Елену.

— Что вы за люди?

— Обычные, — ответил Артём. — Просто — раньше начали готовиться.

Артём осмотрел периметр. Григорий шёл рядом — не провожал, проверял.

Два въезда в посёлок: с севера откуда пришли они, с юга дорога в долину. Северный заложен двумя машинами, мешками, брёвнами. Южный нет. Просто дорога, уходящая вниз, в дым.

— Почему южный не закрыли? — Артём.

— Людей не хватает. И... — Григорий замялся. — Оттуда может кто-то прийти. Из долины. Выжившие. Не можем закрыть — вдруг кто-то жив.

— И что из долины?

— Пока никто. Только дым.

Артём походил вдоль южного въезда. Дорога грунтовая, колея, ширина машина пройдёт. По бокам лес, густой, стеной. Если ставить баррикаду нужны брёвна, верёвка, время. И руки.

— У вас есть бензопила?

— Есть. Одна. И топоры — пять штук.

— Сколько мужчин, кто может работать?

— Восемь. Из двадцати трёх — восемь. Остальные — женщины, дети, двое стариков.

Артём посмотрел на южную дорогу. Потом на лес.

— Брёвна поперёк дороги — три ряда. Между ними — мешки с песком. Это задержит машину, но не людей. Для людей — нужно оружие.

— У нас три ружья и мелкашка, — Григорий.

— У меня — АК и два магазина. Шестьдесят патронов. Это на крайний случай.

— А вы?

Артём посмотрел на свой экзоскелет. Броня, приводы, пустой АК. Батарея он наконец посмотрел на индикатор. Двенадцать процентов. Это три-четыре часа активного режима. Или восемь в экономном. Или бесполезный кусок титана.

— У меня есть это, — он постучал по нагруднику. — Но ненадолго.

Работали до вечера. Артём снял экзоскелет — впервые за два дня. Без него тело казалось голым, лёгким, хрупким. Он разминал плечи и чувствовал, как мышцы ноют — экзоскелет берёт вес, но не усталость.

Геннадий рубил деревья. Молча, точно, топор в руках — как часть тела. Лесоруб, понял Артём. Не охотник — лесоруб. Сергей таскал брёвна. Григорий и его люди — укладывали, вязали, засыпали песком.

Артём построил баррикаду. Не инженерным методом на глаз, из того, что было. Но три ряда брёвен по пояс, между ними — мешки, сверху — колючая проволока из школьного забора. Не линия фронта. Но и не открытая дверь.

Елена помогала Марине — не с больными, с организацией. Разложила аптечку, пересчитала бинты, антибиотики. Объяснила, что искать у заболевших: температура, кровотечения, помутнение сознания. Марина слушала и записывала в тетрадь.

— У вас есть рукавицы? — спросила Елена.

— Зачем?

— Если кто-то заболел — трогать нельзя. Рукавицы, респираторы, плёнка. Если нет респираторов — марля, в несколько слоёв. Мокрая. Не сухая.

Марина кивала. Записывала.

К вечеру Паша пошевелился.

Артём сидел рядом — не потому, что хотел, а потому, что Сергей попросил. «Ты вон, — сказал Сергей, — ты с ним что-то сделал. Укол. Вот и сиди».

Паша открыл глаза. Ясные — не мутные, не стеклянные. Живые.

— Вода, — сказал он.

Артём подал флягу. Старик пил — сам, руками. Руки не тряслись.

— Где мы? — спросил Паша.

— Посёлок. Лесной. Мы дошли.

— Хорошо. — Паша сел. Медленно, но сел. Посмотрел на Артёма. — Ты — большой. В железе.

— В броне.

— В броне, — Паша повторил, как пробуя слово. Потом повернул голову — быстро, быстрее, чем должен двигаться человек, который пять часов лежал без сознания. Посмотрел на дверь. — Там кто-то есть.

— Кто?

— Не знаю. Три человека. Один — ранен. Двое ведут.

Артём встал. Посмотрел на дверь. Пусто. Коридор. Школа.

— Откуда ты знаешь?

— Слышу, — Паша. Просто. Как если бы сказал «вижу».

Артём вышел. Прошёл по коридору, вышел к южному въезду. Темнело. Баррикада три ряда брёвен, проволока. За ней — дорога, лес, и дальше — дым.

Он прислушался. Ничего. Ветер, птицы, далёкий треск — то ли дерево, то ли выстрел.

Потом шаги. Не близко, но слышно. Медленные, тяжёлые. И голос — тихий, невнятный.

Артём вернулся к Паше.

— Слышу, — повторил старик. — Ближе.

Артём собрал всех. Григорий, его люди, Елена. Геннадий с дробовиком, на южной баррикаде. Сергей рядом, бледный.

— Кто-то идёт, — сказал Артём. — Может выжившие. Может нет. Встречаем за баррикадой. Оружие наготове, но не стрелять, пока не увижу.

— А если заразные? — молодой с карабином.

— Заразные не ходят, — ответила Елена. — Лежат или стоят. Не ходят. Если идут — значит, ещё люди.

Они ждали за брёвнами. Темнота сгущалась, и небо на юге светилось — не луной, заревом. Дальний огонь, далёкий, но живой.

Шаги ближе. Артём включил фонарь, направил на дорогу. Луч прорезал темноту, и в нём появились фигуры.

Трое. Медленные, пошатывающиеся. Обгоревшие. Первый мужчина, лет сорока, в чёрной, опалённой одежде. Лицо

копчёное, с трещинами. Второй женщина, в куртке, которую он поддерживал. Третья ребёнок? Нет подросток. Лет пятнадцати. Шёл сам, но медленно, как во сне.

И за ними четвёртый. Не шёл ковылял. Прихрамывал, держался за бок. Рука на ране. Форма. Чёрная, с нашивкой на плече. Артём узнал нашивку видел в материалах Дроздова, в сводках, в записях из Мьянмы.

«Гелиос».

— Стой! — крикнул Григорий. Ружьё на изготовку.

Мужчина впереди поднял руки. Жест был медленным, как у людей, которые устали так, что даже поднять руки — усилие.

— Мы из долины, — сказал он. Голос хриплый, с привкусом дыма. — Из Нижней. Трое суток шли.

— Кто с вами? — Артём показал на форму.

Четвёртый поднял голову. Лицо молодое, лет тридцати. Опалённое, с ссадиной на виске. Глаза ясные, испуганные. Живые.

— Трофейная, — сказал он. — Нашёл. Тёплая.

— Врёт, — тихо сказал Григорий.

— Не вру, четвёртый. — Я не из «Гелиоса». Я из Нижней. Учителем был. Физика. Форму нашёл в машине на выезде из города. Там... люди в форме лежали. Мёртвые. А форма цела.

Елена вышла из-за баррикады. Подошла, посмотрела на нашивку. Потом на лицо.

— Какого цвета нашивка?

— Красный. Треугольник.

— Это не «Гелиос», — сказала она. — Это «Прометей».

Эвакуационная команда.

Повисла тишина. Григорий опустил ружьё — не потому что поверил. Потому что устал держать.

— Заводите, — сказал Артём.

Их звали: Олег — мужчина, сорок три, электрик из Нижней. Лариса — женщина, тридцать семь, его жена. Денис — пятнадцать, сын соседей. Семья погибла в первый день. Он шёл, потому что больше некуда было идти.

Четвёртый — Андрей. Учитель физики. Тридцать два. Нашивку «Прометей» — действительно нашёл. Елена проверила: форма пошива, без защитных свойств, с маркировкой эвакуационной группы. Не боевая. «Прометей» рассылал такие команды в первые часы, до того как потерял контроль.

— Что вы видели? — спросила Елена. — В долине.

Олег говорил, а Лариса молчала и держала его за руку.

— Первый день кашель. Многие кашляли, думали простуда, осень. К утру температура. К обеду кровь из носа. К вечеру люди падали. Прямо на улице. Скорая не успевала.

— Второй день пожар. Не знаю, кто. Может, короткое замыкание трансформаторная будка рванула. Может военные. Пламя на три квартала. Мы бежали на юг, к лесу. По дороге тела. Много. И... живые. Но не те.

— Не те — это как? — Артём.

— Стояли. Просто стояли. На улице, посреди дороги. Один у магазина, у полок с хлебом. Стоял и смотрел на хлеб. Не брал. Не ел. Стоял.

— А другие?

— Другие лежали. В домах. На земле. Дышали — но не двигались. Как... — Олег замолчал.

— Третий день огонь дошёл до леса. Мы шли по кромке. Жар спиной. Дым глаза. Денис нашёл дорогу он здесь жил, летом к бабушке ездил. Знает тропы.

Артём посмотрел на Дениса. Мальчишка сидел у стены, обняв колени. Глаза открытые, сухие, далеко.

— Ты молодец, — сказал Артём. — Ты вывел их.

Денис не ответил. Но чуть кивнул.

Андрей молчал дольше всех. Когда остальные ушли в школу, к Марине, греться и есть — он остался.

— Вы из «Гелиоса»? — спросил он Елену.

— Была.

— Я знаю вас. Не лично по фото. У нас в школе был ноутбук, я читал сводки. «Воронцова, Елена Николаевна. Аналитический отдел». Ваше фото в списках пропавших.

Елена не ответила.

— Вы знаете, что вирус был в «Гелиосе»? — спросил Андрей.

— Знаю.

— И что «Гелиос» разрабатывал доставку?

Елена посмотрела на него. Внимательно.

— Откуда ты знаешь?

— Я учитель физики. Не журналист. Но в Нижней была лаборатория «Прометей» маленькая, на окраине. Перед пожаром я успел зайти. Не из любопытства искал аптечку. И нашёл папку. Бумажную, не электронную. Кто-то выбросил, или забыл, или не успел уничтожить. Там схемы. Дроны, распылители, расчёты плотности. И подпись: «Гелиос», отдел W.

Артём и Елена переглянулись.

— Папка у тебя? — Елена.

Андрей расстегнул куртку. Из внутреннего кармана — папка. Тонкая, мятая, с опалённым углом.

— Вот.

Елена открыла. Листы — напечатанные, местами выцветшие, местами обугленные по краям. Схемы, таблицы, графики. Артём заглянул через плечо. Не всё понимал, но кое-что — да. Расчёты площади распыления. Время активации. Зависимость плотности от высоты.

— Это не эвакуационная команда, — сказала Елена. — Это боевая разработка. «Гелиос» готовил распылитель для вируса. Дрон-носитель, высота двести метров, зона поражения квадратный километр.

— Готовил? — Артём.

— Или применил. — Елена посмотрела на Андрея. — Когда ты нашёл папку?

— Третьего дня. Вечером. Перед пожаром.

— Перед пожаром.

Она замолчала. Артём понял: пожар в Нижней начался не от короткого замыкания и не от военных. «Гелиос» распыл вирус, а потом — ликвидировал следы. Или пытался.

Ночь. Артём стоял у баррикады. Экзоскелет снят, лежал в школе, на зарядке от генератора. Без зарядки двенадцать процентов никуда не денутся, но и не прибавятся. Нужен был источник. Генератор посёлка дизель, на исходе. Артём подумывал: разобрать генератор, подключить напрямую к батарее экзоскелета. КПД низкий, но хватит, чтобы зарядить до тридцати-сорока процентов. На это ещё несколько часов хода или боя.

Елена вышла из школы. Села рядом на бревно.

— Не спишь, — сказал он.

— Не могу. Слишком много знаю.

— Про папку?

— Про всё. «Гелиос» не просто финансировал «Прометей». Они были клиентом. Вирус — заказ. Не утечка, не авария. Заказ.

Артём молчал.

— Они хотели оружие, — продолжила Елена. — Не танки, не дроны, не броню. Вирус. И они его получили. А потом — потеряли. Как дурак, который сделал бомбу и не понял, как работает взрыватель.

— Ты знала?

— Нет. Догадывалась. Но думала — теория. Бумаги, рас-

чёты, модели. Не реальность.

— А теперь?

— Теперь реальность. Два миллиона человек в долине.
И...

— И?

Елена не договорила. Где-то на юге — глухой, далёкий звук. Не взрыв — выше, короче. Как металл, который рвётся.

Артём посмотрел на небо. Зарево на юге мигнуло — и стало ярче.

— Генератор, — сказала Елена. — Электростанция рванула. Последняя.

Они сидели на бревне, рядом, плечо к плечу. Его — без брони. Её в защитном костюме, который не защищал ни от чего.

— Ты мне веришь? — спросила она.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты могла не прийти. Могла уйти. Могла молчать. Но ты пришла, рассказала, и идёшь рядом.

Она не ответила. Но руку — положила. Не на плечо, не на руку на ладонь. Тихо, как кладут что-то хрупкое.

Он сжал.

Паша встал ночью. Сам. Без помощи, без стонов. Артём услышал шаги — лёгкие, ровные — и вышел в коридор. Старик шёл к двери.

— Паша. Куда?

— Слышу, — сказал старик. — Кто-то ходит. В лесу.
Артём прислушался. Ничего. Ветер, далёкий треск, тишина.

— Я не слышу.

— Я слышу, Паша повернулся. Лицо спокойное, ясное, и в глазах что-то новое. Не безумие, не пустота. Внимание. Как у человека, который наконец понял, что слух это не то, что было раньше.

— Паша, сколько тебе лет?

— Семьдесят три.

— Ты шёл как двадцатилетний.

Паша посмотрел на свои руки. Сжал и разжал.

— Сильный, — сказал он. Не хвастаясь. С удивлением. Как человек, который нашёл в кармане то, чего не клал.

Артём посмотрел на Елену. Она стояла в дверях класса. Слышала.

— Мутация, — сказала она тихо. — Перестройка тканей. Он — из тех, кто выживает. Не овощ. Не калека. Другой.

— А слух?

— Не знаю. Может побочный эффект. Может перестройка нервной системы дала... больше.

Паша стоял в коридоре. Ждал. Не рвался, не боялся. Стоял — и слушал.

— Паша, — Артём. — Иди спать.

— Не хочу спать. Не устал.

— Ты пять часов лежал без сознания.

— Да. Но не устал.

Артём посмотрел на Елену. Она пожала плечами — не «не знаю», а «я предупреждала».

Паша вернулся в класс. Шёл — ровно, без пошатывания, как человек, который выздоровел за ночь.

Только он не выздоровел. Он стал кем-то другим.

Утро началось с крика.

Артём выскочил из школы — без экзоскелета, с АК. У южной баррикады — Геннадий, с дробовиком, и Григорий, с ружьём. Оба смотрели на дорогу.

— Что?

— Смотри, — Григорий показал.

Дорога. Утренний туман. И в тумане — силуэты. Много. Десять, двадцать, больше. Медленно, вразнобой, как толпа, у которой нет цели.

— Заразные? — Геннадий.

Артём взял бинокль Григория. Навёл. Фокус. Люди. Живые — ходячие, в одежде, с рюкзаками. Не мародёры, не военные. Гражданские.

— Выжившие, — сказал он. — Из долины.

— Сколько? — Григорий.

Артём считал. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять.

Двадцать шесть.

И последним — ковыляя, опираясь на палку шёл человек в форме.

Не «Прометей». «Гелиос». Полная полевая форма, с нашивкой на плече — синий круг, стрела. Боевое подразделение.

Человек остановился. Посмотрел на баррикаду. На людей за ней. Потом медленно, с трудом — поднял руку. Не в знак капитуляции. В знак — «я один из вас».

Артём не опустил бинокль.

— У него лицо, — сказал он.

— Что лицо? — Григорий.

— Я его знаю.

Глава 4 Свои чужие

Артём узнал его за тридцать метров. Походка — чуть ко-солапая, левая нога ставится носками внутрь. По плечам — узким, сутулым. По тому, как он держал палку — не как опору, а как инструмент, к которому привыкли руки.

Лёша. Техник Лёша. Тихий, исполнительный, не задающий вопросов. Который привозил сухпайки. Который стрелял из АК по нагрудной пластине. Который оставил оружие в углу ангара — и исчез.

— Лёша, — сказал Артём.

Человек с палкой поднял голову. Лицо опалённое, с ссадиной на скуле, но глаза — те же. Серые, спокойные, чуть испуганные.

— Артём Сергеевич, — голос хриплый, с привкусом пыли. — Я знал, что вы здесь.

— Откуда?

— Вы на юг пошли. Я тоже. Другой дороги нет.

Лёша ковылял к баррикаде, и Артём видел: ранение — левая нога, выше колена. Перевязано тряпкой, неумело. Хромота — не свежая, дня три.

— Проходи, — Артём махнул Григорию.

Григорий не двинулся.

— Откуда форма?

— Нашёл, — Лёша. Та же интонация, что у Андрея. — На

выезде из лаборатории. Там... много лежало.

— Какой лаборатории?

Лёша посмотрел на Артёма. Не на Григория на Артёма. Как человек, который знает, кому можно говорить.

— Нашей, — сказал он. — «Заслон».

Их было двадцать шесть. Артём считал, пока они проходили через баррикаду — мимо брёвен, мимо мешков, мимо людей с ружьями, которые смотрели на них так, как смотрят на возможных врагов, которых пока некуда деть.

Гражданские. Женщины, мужчины, двое детей — лет десяти и двенадцати. Рюкзаки, сумки, узлы. Лица — одинаковые: серые, опухшие, с белыми ободками вокруг глаз. Люди, которые шли трое суток через огонь и дым и не верили, что дошли.

Артём отвёл Лёшу в школу, в пустой класс. Сел напротив. Елена рядом, у стены, молча.

— Рассказывай.

Лёша сидел на стуле, нога вытянута. Говорил — ровно, без эмоций, как отчёт.

— На второй день после утечки — атака. Не мародёры. Профессионалы. Человек двадцать, в гражданском, но работали как военные. Приехали на двух «Уралах» — без номеров, без опознавательных знаков. Двинули к ангарам.

— Кто?

— Не знаю. Но они знали, что искать. Пошли не к складам к серверной. К данным.

— Дроздов?

Лёша замолчал. Посмотрел на свои руки.

— Дроздов — первый. Он вышел навстречу, без оружия.

Думал — договорится. Они не договорились.

— Убили?

— Нет. Забрали. Увезли на одном из «Уралов». Живым

— я видел, как его грузили.

— А Вера?

— Вера исчезла. Не похищение именно исчезла. До атаки она была в лаборатории. Во время нет. Искали, не нашли. Может ушла до. Может во время. Она... — Лёша замолчал.

— Она что?

— Она знала, что будет атака. За день до — сказала мне: «Лёша, если что-то случится — иди к Артёму. Он на юге. Он справится».

Артём посмотрел на Елену. Она не шевельнулась, но он увидел: в её глазах что-то сдвинулось. Не удивление — подтверждение.

— Почему она не предупредила Дроздова? — Елена.

— Не знаю. Может не успела. Может не могла.

— Или не хотела, — сказала Елена.

Лёша продолжил:

— После атаки я ушёл. Через заднюю стену там лаз, в заборе. Пошёл на юг. На выезде тела. Четверо наших, охрана. И двое в форме «Гелиос». Мёртвые. Форму снял. Тёплая, а я в одной рубашке был.

— Что с лабораторией?

— Они подожгли. Серверную — точно. Ангары — может, потом. Я не видел — ушёл.

Артём молчал. Дроздов в плену. Вера исчезла. Лаборатория уничтожена. Экзоскелет единственный. Батарея двенадцать процентов.

— Документы? Чертежи?

— На серверах. Серверы — горят. Но у вас же есть, — Лёша посмотрел на Артёма. — Накопители. Вы всегда на два дублировали.

— Есть, — Артём. — Но без оборудования — это картинки.

— Без оборудования — да. Без зарядки тоже да.

Проблема была не в людях. В людях — было пятьдесят три человека в посёлке, который держался на мешках с песком и колодезной воде. Проблема была в том, что из двадцати шести пришедших — трое были больны.

Марина нашла их сама. Не потому что знала — потому что чувствовала. Три дня в медпункте научили её тому, чего не учили шесть лет в медицинском колледже: видеть вирус.

Первая женщина, лет тридцати. Кашель, температура тридцать восемь и семь. Глаза мутные, на грани. Второй мужчина, пожилой, с тремором рук. Третий подросток, лет шестнадцати. Он ещё не кашлял, но Лариса заметила: он прикрывал нос платком, и платок был тёмный.

— Кровь? — Елена.

— Кровь, — Марина.

Карантин в сарае за школой. Отдельный вход, отдельная посуда, отдельный воздух. Марина разложила пластиковую плёнку, которую нашли в подсобке магазина, — между стенами и больными. Не стерильно — но дистанция.

— Сколько у нас? — Артём.

— Респираторов ноль. Перчаток две пары, резиновые, садовые. Премиксов, антибиотиков на десять человеко-дней. Это если не тратить на других.

— Не тратить, — Елена.

Марина посмотрела на неё.

— Трое умрут?

— Возможно. Девяносто процентов — это девяносто процентов. Но мы не знаем, на каком они этапе.

— А если выживут?

— Тогда увидим, что с ними станет.

Григорий собрал сходку. Не в школе на улице, у костра. Вечерело. Пятьдесят три человека — больше, чем школа вмещала. Стояли, сидели на брёвнах, на ящиках, на земле.

— У нас продукты на неделю, — Григорий. Голос ровный, усталый. — Дизель на пять дней. Людей пятьдесят три. Пришли двадцать шесть, трое больны. Больные в карантине. Решаем: что дальше.

Молчание. Потом голоса.

— Надо уходить, — Олег, электрик из Нижней. — Тут тупик. Продукты кончатся и что?

— Куда уходить? — Григорий. — Долина горит. На севере город, там хуже. На восток горы, без дороги.

— На запад, — сказал Артём.

Все повернулись.

— На запад — что? — Григорий.

— На запад. Новороссийск. Порт. Если что-то работает там. Если не работает там корабли, склады, топливо. Новороссийск узел. Через него шло снабжение всего юга. Если кто-то держится они.

— Это — сто километров, — Григорий.

— По трассе шестьдесят. Но трасса закрыта. По горам сто, может, больше. Пешком три-четыре дня. Если повезёт.

— А если не повезёт?

— Тогда здесь. С продуктами на неделю и дизелем на пять дней.

Молчание. Люди смотрели друг на друга — не на Артёма, не на Григория. Друг на друга. Искали ответ в лицах, которых не знали.

— Я за уход, — сказал Сергей.

— Я тоже, — Геннадий.

— А больные? — женщина из местных, лет сорока, в платке.

— Больные идут с нами, — сказала Елена. — Изолированно. Отдельно. Но идут. Оставлять — значит, убивать.

— Они могут заразить остальных!

— Могут. Но если мы оставим их здесь — они умрут. А

мы уйдём и через два дня забудем, что были людьми.

Женщина замолчала. Не согласилась — замолчала.

Артём посмотрел на Елену. Она стояла у костра, и свет делал её лицо — острым, жёстким, красивым. Не от черт от решимости. Она говорила то, во что верила, и верила в то, что говорила. Это было страшнее, чем красота.

— Решаем, — Григорий. — Кто за уход — поднимите руку.

Двадцать девять. Из пятидесяти трёх.

— Кто против.

Двенадцать.

Остальные молчали. Не поднимали.

— Решено, — Григорий. — Готовимся. Выходим на рассвете.

Ночь. Артём в школе, над генератором. Разобрал кожух, смотрел на дизель маленький, шумный, пожилой. Бак на четверть. Артём снял провода, подключил напрямую к батарее экзоскелета. Контроллер зарядки самодельный, из того, что нашёл в школе: резисторы из физкабинета, диодный мост из блока питания старого компьютера. Криво, грубо но работало.

Индикатор полз. Тринадцать. Четырнадцать.

— Долго? — Лёша. Сидел рядом, на полу, нога вытянута.

— Часа три. Может, четыре. До тридцати процентов — хватит на полдня активного режима.

— А потом?

— А потом — найдём зарядку. Или — пойдём без.

— Артём Сергеевич, Лёша помолчал. — Вера... она дала мне телефон. Перед атакой. Сказала если дойдём до вас от-
дать.

— Телефон?

— Да. — Лёша достал из кармана телефон. Старый, кно-
почный, с разбитым экраном. — Сказала: «Артём поймёт».

Артём взял телефон. Включил работал. В памяти — одно
сообщение, без подписи. Текст:

«Ангар 7. Терминал 4. Пароль — экзоскелет. Не ищи ме-
ня. Ищи данные. Вера».

— Что это значит? — Лёша.

— Ангар семь в лаборатории «Заслон». Серверная. Тер-
минал четыре — отдельный, не в сети. Я его не знал. Дроз-
дов — знал.

— Но лаборатория — сгорела.

— Серверная сгорела. А терминал четыре отдельный. Ес-
ли Вера его спрятала он не в серверной. Он где-то ещё. В
седьмом ангаре, но не там, где искали.

— Вы хотите вернуться?

Артём не ответил. Он смотрел на телефон, на сообщение,
на имя. «Не ищи меня. Ищи данные». Вера не спасалась —
она работала. Даже уходя работала.

— Лёша, ты видел ангары после пожара?

— Нет. Я ушёл до. Но седьмой ангар был последним, у
задней стены. Если поджигали серверную — она в другом

крыле. Седьмой мог уцелеть.

— Мог.

— Или — нет.

— Или — нет, — повторил Артём.

Елена пришла под утро. Артём не спал сидел над зарядкой, смотрел на индикатор. Двадцать один процент.

— Не спишь, — сказала она. Не вопрос — констатация.

— Заряжаю.

Она села рядом. Молчала минуту.

— Артём.

— Да.

— Я должна тебе сказать. Про «Гелиос». Про меня.

Он повернулся.

— Когда я работала в аналитике — я знала, что «Гелиос» финансирует «Прометей». Знала, что вирус — боевой. Знала и молчала.

— Почему?

— Потому что думала — теория. Проект. Бумаги. Не верила, что дойдёт до дела. А когда дошла — было поздно. Я ушла. Но я — знала. И молчала.

Артём смотрел на неё. Огня не было — только индикатор зарядки, зелёный, мерцающий. В его свете лицо Елены — без грима, без защиты, без брони.

— Ты молчала, — повторил он. — Как и все.

— Не как все. Я — знала больше.

— И?

— И я тут. С тобой. С людьми, которых могла спасти, если бы сказала раньше. — Она посмотрела на руки. — Я не прошу прощения. Я прошу не ври мне, что всё нормально. Потому что не нормально.

— Не нормально, — согласился Артём. — Но ты здесь. И это — больше, чем бумаги.

Она не ответила. Но голову опустила — и он понял: это не слабость. Это — вес, который она наконец положила. Не на него рядом с ним.

Перед рассветом Паша вышел из класса.

Артём слышал шаги — лёгкие, ровные, без хромоты и без усталости. Семьдесят три года, и шаги — как у парня.

— Паша?

Старик стоял в коридоре. В одном белье, босиком, на бетонном полу. Не мёрз — дышал ровно, кожа — обычная, без мурашек.

— Артём, — сказал он. — Я хочу посмотреть на больных.

— Зачем?

— Хочу.

Артём посмотрел на Елену. Она — не спала, слышала.

— Паша, ты должен отдыхать, — она.

— Я отдыхал. Пять часов. Это — много. Больше не нужно.

— Откуда ты знаешь, сколько нужно?

Паша посмотрел на неё. Спокойно, ясно.

— Не знаю. Но не нужно.

Они пошли к сараю. Утро серое, туманное. Двое на ча-

сах из местных, с ружьями. Пропустили без слов: Паша свой, Артём свой.

В сарае — трое. Женщина лежала, укрывшись курткой. Мужчина сидел, кутался, дрожал. Подросток на полу, глаза закрыты, дышал часто.

Паша остановился у входа. Постоял. Потом медленно, как человек, который слушает музыку повернул голову к женщине. Потом к мужчине. Потом к подростку.

— Эта, — он показал на женщину, — больна. Сильно. Давно.

— Мы знаем, — Елена.

— Этот, — мужчина, болен. Но не так. Ему лучше. Или хуже. Не могу сказать.

— А подросток?

Паша подошёл. Присел — легко, без напряжения, без стариковского кряхтения. Посмотрел. Понюхал воздух у лица мальчика.

— Он — не болен.

— Что? — Марина. — Кровь из носа, температура...

— Была. Прошла. Он — выживает.

— Ты не можешь это знать, — Марина.

— Знаю, — Паша. Просто. Как «вижу». Как «слышу». Как «знаю».

Елена присела рядом с ним.

— Паша, как ты это чувствуешь?

Старик подумал. Долго — для него, для человека, кото-

рый последние сутки думал быстрее, чем говорил.

— Запах, — сказал он. — Не носом внутри. Как... когда ел что-то плохое и помнишь вкус. У больного этот вкус есть. У него, — кивнул на подростка, нет. Был и нет. Вышел.

— Как вирус вышел?

— Не вышел. Перестал быть врагом. Стал частью. — Паша сжал кулак. Медленно и Артём увидел: костяшки побелели, вены вздулись, и рука не рука старика. Рука человека, у которого мышц больше, чем должно быть. — Как у меня. Только у меня по-другому. Я слышу. Он не знаю. Может, что-то другое.

Подросток открыл глаза. Посмотрел на Пашу. Не испуганно — внимательно. Как будто узнавал что-то.

— Дед, — сказал он. — Ты тоже?

— Тоже, — ответил Паша.

Артём собрал совет. Не формальный у костра, перед выходом. Елена, Лёша, Григорий, Сергей, Марина.

— Решение, — сказал он. — Мы уходим на запад. Но не все, не сразу. Сначала разведка. Я и Елена вперёд. Экзоскелет, оружие. Проверяем маршрут первые двадцать километров. Если чисто возвращаемся, ведём всех. Если нет ищем обход.

— Двадцать километров это день хода, — Григорий. — И день обратно. Два дня без вас.

— Два дня вы держитесь. Баррикада на месте. Оружие у вас. Больные в карантине, Марина знает, что делать.

— А если на вас нападут?

— Экзоскелет. Тридцать процентов заряд. АК, шестьдесят патронов. Елена — пистолет, пятнадцать. Этого на стычку. Не на бой.

— А если на бой?

Артём помолчал.

— Тогда обойдём. Или — отступим. Не геройствуем. Задача — разведать, не победить.

Лёша поднял руку — жест абсурдный, школьный, но Артём не улыбнулся.

— Я с вами.

— Нет, — Артём. — Ты — ранен. Идёшь с основными. Помогает Григорию.

— Я знаю дорогу. От Лесного до трассы — я ходил, охотился там.

— Лёша, нога.

— Нога — заживёт. А без проводника вы полдня потеряете.

Артём посмотрел на Елену. Она пожала плечами — «решай сам».

— Ладно. Идёшь. Но без геройства. Заворачиваешь — если рану откроешь.

Лёша кивнул.

Перед выходом Артём надел экзоскелет. Тридцать процентов. Индикатор зелёный, но зелёный светлый, не насыщенный. Часы активного режима может, четыре. Экономно-

го восемь. На разведку хватало. Если по прямой.

Он затянул фиксаторы, проверил приводы, калибровку. Экзоскелет обжал тело — привычно, как перчатка. Только перчатка эта весила сорок кило и держала пулю.

АК на ремне. Два магазина. Рюкзак — маленький: фляга, аптечка, фонарь, телефон Веры.

Елена рядом. Пистолет за поясом, рюкзак. Защитный костюм — сняла. Надела обычное — куртка, штаны, ботинки. Артём заметил, но не сказал. Она объяснила сама:

— Костюм от вируса. А вируса в лесу нет. Есть люди. От людей — костюм не спасает.

Лёша — палка, рюкзак, хромота. Шёл — бодро, перевозмогая. Артём видел: больно. Но молчит. Терпит.

Они вышли на рассвете. Посёлок за спиной. Впереди запад, горы, и где-то там — Новороссийск.

Шли три часа. Лёша вел уверенно, по тропам, которые помнил. Лес густой, мокрый, осенний. Дорога не дорога, тропа, но тропа набитая, не заросшая. Кто-то ходил. Не сегодня но недавно.

— Туристы? — Артём.

— Охотники. До войны тут сезон был. Кабан, косуля.

— До войны, — повторил Артём. Два слова, которые делили мир на «до» и «после». Раньше туристы, кабаны, косули. Теперь мародёры, вирус, броня.

На привале Елена проверила ногу Лёши. Перевязка — грязная, но рана чистая. Без воспаления.

— Ты везучий, — сказала она.

— Везучий это когда пули нет, — Лёша. — А у меня есть.

Просто сквозная.

— Это тоже везение.

— Дед говорил: «Одно везение не везение. Два случайность. Три закономерность». У меня два. Жду третье.

Артём усмехнулся. Впервые за два дня.

К полудню вышли к ручью. Лёша остановился.

— Здесь развилка. Направо к трассе. Час хода. Налево в горы, обход, но дольше.

— К трассе, — Артём.

— На трассе — блокпост. Был — до. Не знаю — сейчас.

— Вот и проверим.

Они шли ещё сорок минут. Лес кончился — резко, как отрезали. Трасса. Двухполосная, асфальт, разметка — бледная, но видимая. Последний знак нормального мира.

И блокпост. Не военный. Гражданский. Два «Урала» поперёк дороги, мешки, верёвка. И люди. Пятеро. С оружием ружья, обрез, один с автоматом.

— Мародёры? — Елена.

— Не похожи, — Лёша. — Слишком организованы.

Один из пятерых — здоровый, в кожаной куртке — заметил их. Крикнул что-то. Двое подняли ружья.

Артём вышел на трассу. Экзоскелет на виду. Броня, шлем, визор. Он видел, как менялись лица от угрозы к замешательству. Как у мародёров на поляне. Как у всех, кто видел ма-

шину впервые.

— Стойте! — кожаная куртка. — Кто?

— Люди, — Артём. — Идём на запад.

— Запад — занят. Новороссийск — закрыт. Карантин.

— Кто закрыл?

— Военные. Мы — охраняем периметр.

— Вы — не военные.

— Мы — гражданская оборона. Военные ушли — а мы остались.

Артём посмотрел на «Уралы». На мешки. На людей — небритых, уставших, но не злых. Испуганных — как все.

— Сколько вас?

— На посту — пять. В лагере — тридцать. На семьдесят втором километре. Там продукты, вода, крыша.

— Откуда лагерь?

— База отдыха «Сосновый Бор». Турбаза. Закрылась, когда началось. Мы — заняли.

Артём посмотрел на Елену. Она на него. Без слов но он прочёл: «Лагерь лучше, чем посёлок. Турбаза здания, вода, может генератор».

— У вас есть генератор?

— Есть. Бензиновый. И дизель — немного, в «Уралах».

— Сколько?

— Бак. Может литров двести.

Двести литров дизеля. Для экзоскелета — зарядка до полного. Для посёлка — тепло и свет на неделю. Для группы из

пятидесяти трёх — путь к большему, чем выживание.

— Нам нужно поговорить, — сказал Артём.

Они отошли к обочине. Елена рядом, Лёша за спиной.

— Что думаешь? — Артём.

— Думаю — турбаза. Здания, вода, генератор. Лучше, чем школа и сарай. Но люди. Тридцать пять человек с оружием, которые заняли базу. Это — или союзники, или проблемы.

— Или — и то, и другое.

— Либо. Но стоит проверки.

— Стоит, — согласился Артём.

Лёша молчал. Смотрел на блокпост, на людей, на «Уралы». Потом тихо:

— Артём Сергеевич. Тот, что в кожаной куртке.

— Что?

— Я его знаю.

— Откуда?

— Из лаборатории. Он был в группе, которая атаковала «Заслон».

Артём повернулся.

— Уверен?

— Нет. Далеко. Но походка, плечи. Я из анагаа смотрел, через щель. Он был — первый. Тот, кто вышел к Дроздову.

Артём и Елена переглянулись.

— Может не он, — Лёша. — Может показалось.

— Может, — Артём. Но рука на АК.

Они стояли на обочине трассы, в сорока метрах от блокпоста, и впереди был выбор. Вернуться и вести пятьдесят три человека в посёлок, который умирал. Идти вперёд и войти в лагерь, где, может быть, враги. Или обойти, и потерять генератор, дизель, шанс.

Артём выбрал. Достал телефон Веры. Посмотрел сообщение. «Не ищи меня. Ищи данные». Седьмой ангар. Терминал. Данные.

— Возвращаемся, — сказал он. — Ведём всех. Но не в лагерь. Мимо лагеря. Идём к лаборатории.

— К лаборатории? — Елена. — Она — сгорела.

— Серверная — сгорела. Ангар семь — может, нет. Вера оставила данные. Она знала, что я вернусь.

— Артём, это в другую сторону. На север. На север — город, хаос, военные.

— Знаю. Но без данных мы слепые. Вирус, распылители, «Гелиос» всё там. Если есть что-то, что поможет не нам, так всем оно в терминале.

Елена молчала. Долго. Потом:

— Хорошо. Но сначала — лагерь. Генератор, дизель. Без зарядки — твой экзоскелет — гроб.

— Согласен.

Лёша стоял рядом. Молчал. И молчание это было — другое. Не согласие. Не страх. Что-то, что Артём не мог прочитывать.

Они двинулись обратно. К посёлку. К людям. К решению,

которое — рано или поздно — кого-то убьёт.

Вечером, когда вернулись, Паша ждал у костра. Не сидел стоял. Ровно, прямо, руки за спиной. Не как старик. Как чайсовой.

— Артём, — сказал он. — Мне нужно тебе сказать.

— Говори.

Паша посмотрел на Лёшу. Долго. Внимательно. Как слушал — не ушами, чем-то другим, тем, что выросло в нём за ночь, за двое суток, за время, которое он не проживал, а переживал.

— Тот, кто в форме, — сказал Паша. Голос ровный, спокойный. Не обвинение — факт. — Лжёт. Он не Лёша.

Глава 5 Ложь

Артём не стал ждать.

— Все вон, — сказал он. Кивнул в сторону костра, где люди сидели и ждали, что будет дальше. — Сергей, Геннадий отведите. Сейчас.

Сергей посмотрел на Пашу, на Артёма, на Лёшу. Ничего не понял, но послушался. Люди поднялись — неохотно, с вопросами на лицах, но ушли. Костёр остался.

В круге света — Артём, Елена, Паша, Лёша. Четыре человека и одна ложь. Или — одна правда, которую Артём пока не видел.

— Паша, — сказал Артём. — Объясни.

Старик стоял ровно, руки за спиной. Не как старик — как солдат.

— Я не могу объяснить. Я знаю. Как знаю, что больные больны, а здоровые здоровы. Он, Паша кивнул на Лёшу, не тот, кем назвался.

— Но я узнал его, — Артём. — Походка, плечи, лицо.

— Лицо да. Походка — да. Но внутри — нет. Он пахнет не как Лёша.

— Пахнет?

— Не носом. Внутри. Как с больными. У каждого свой вкус. У тебя металл и канифоль. У Елены порох и что-то горькое. У Сергея земля и пот. А у него, Паша посмотрел

на Лёшу, металл, да. Но порох другой. И горькое другое. И ещё что-то, чего у Лёши не было. Страх. Не тот страх, что у всех, холодный. Дальний. Как у человека, который боится не здесь, а там, откуда пришёл.

Лёша сидел на бревне. Нога вытянута. Руки на коленях. Не двигался. Не спорил. Ждал.

— Лёша, — сказал Артём. — Или как тебя зовут.

— Лёша, — ответил тот. Спокойно.

— Паша говорит, что ты — не Лёша.

— Я слышал.

— И?

— И он прав. И неправ.

Артём снял предохранитель с АК. Не поднял — просто щелчок. Лёша услышал.

— Меня зовут Алексей Громов. Лёша — это я. Я работал в «Заслоне», помогал вам, возил сухпайки, стрелял по броне. Это — правда.

— А что — неправда?

— Я работал не только в «Заслоне».

Тишина. Костёр трещал. Где-то в посёлке — детский голос, короткий, оборванный.

— Я из «Гелиоса», — сказал Лёша. — Был. Два года. Аналитический отдел, как Елена. Только младше, на побегушках. «Заслон» вторая работа. Командировка. «Гелиос» хотел человека внутри проекта наблюдателя. Я наблюдатель.

Елена не шевельнулась. Но Артём увидел: её руки — сжа-

лись. Кулаки, белые костяшки.

— Ты стучал на нас, — сказала она.

— Нет. Я — наблюдал. Передавал — общее: прогресс, сроки, результаты. Не детали, не чертежи. Сводки.

— Сводки — это тоже стучать.

— Сводки — это сводки. Я не передавал ничего, что могло бы «Гелиосу» сделать свой экзоскелет лучше. Они — и так делали хуже.

— Почему?

— Потому что они — не Артём.

Лёша сказал это просто, без лести. Как факт.

— Когда атаковали лабораторию это были не «мы», — продолжил он. — Не «Гелиос». Те, кто атаковал не «гелиосовские». Я их видел, из окна. Профессионалы, но другие. Не наши, не военные. Кто-то третий.

— Кто-то третий, — повторил Артём.

— Да. И они знали, куда идти. Не к складам, не к ангарам к серверам. Кто-то дал им план. Кто-то изнутри.

— Не ты?

— Нет. Я наблюдал, не планировал. Когда они пришли я бежал. Как и сказал. Через заднюю стену. Форму снял с мёртвого да, «гелиосовского». Наш охранник, Кравцов. Я его знал.

— А Вера?

— Вера исчезла. До атаки. Это правда, Артём Сергеевич. Я не знаю, куда. Она умнее нас всех. Если она исчезла зна-

чит, у неё был план.

Артём посмотрел на Пашу.

— Он — врёт? — спросил он.

Паша стоял, наклонив голову. Слушал. Не ушами — тем, что выросло в нём за двое суток.

— Врёт — да. Но не во всём.

— Что ложь?

— Не могу сказать. Не «ложь» — нет. Скорее... утаивает.

Что-то — держит внутри. Глубоко. Не выпускает.

— Что утаиваешь? — Артём к Лёше.

Лёша молчал. Долго. Костёр прогорел — угли, красные, медленно гаснущие.

— Пароль, — сказал он.

— Что?

— Вера дала мне телефон. Но не только телефон. Она дала слова. Сказала: «Если Артём спросит, что утаиваешь скажи: экзоскелет». Это пароль. Она знала, что вы спросите. Она знала, что вы не поверите просто так. Она... — Лёша запнулся. — Она знала, что вы придумаете, как проверить. Внутри ангар семь, в терминале не только данные. Там запись. Видеозапись. Вера оставила сообщение. Для вас.

Артём смотрел на него. Паша смотрел. Елена смотрела.

— Паша? — Артём.

— Теперь не врёт, — сказал старик. — Теперь правда. Не вся но правда.

— Ты мог соврать с последней фразой, — Елена. — При-

крыться паролем.

— Мог. Но Вера знала, что будет проверка. Поэтому пароль. Не «я говорю правду», а «экзоскелет». Это не от меня. Это от неё.

Артём опустил АК. Не убрал — опустил. Предохранитель на месте, палец на скобе.

— Если ты — из «Гелиоса», и ты — наблюдал за «Заслоном», и ты — ушёл, когда пришли чужие... Зачем тебе идти с нами?

— Потому что Вера сказала — иди к Артёму. А я привык слушать тех, кто умнее меня.

— А «Гелиос»?

— «Гелиос» мёртв. Не корпорация люди. Я видел, как вирус вышел из лаборатории в Казахстане и пошёл по нашим объектам. «Гелиос» был первым. Не «Прометей» — «Гелиос». Мы финансировали и стали жертвой. Справедливо, он усмехнулся. Коротко, горько. — Я не жалею. Я работал. И я ушёл, когда понял, что работа убивает людей. Не героизм. Просто человек, который больше не мог.

Артём не спал. Не потому, что думал — потому, что решал.

Лёша из «Гелиоса». Наблюдатель. Стучал или нет, разница уже тонкая. Вера ему доверяла или использовала. Паша сказал: не врёт, но утаивает. Утаивает что? Пароль? Или ещё что-то?

Решение было не в Лёше. Решение было в том, что Вера

оставила. Терминал. Данные. Запись. Если Вера жива, или была жива, когда оставляла телефон, значит у неё был план. План, в который входил Артём. План, который начинался в седьмом ангаре.

Без этого плана — они слепые. С планом — может, не зрячие, но с фонарём.

Он повернулся к Елене. Она лежала рядом, на раскладушке, с открытыми глазами.

— Не спишь, — сказал он.

— Нет.

— Что думаешь?

— Думаю Лёша не враг. Но не друг. Он инструмент. Вера оставила инструмент, а не союзника. Инструмент не выбирает сторону. Его используют.

— Кто — нас или его?

— Оба. И он — это знает. Поэтому — идёт.

Артём помолчал.

— Мы идём к лаборатории. Ты, я, Паша. Лёша с нами. Григорий остаётся, ведёт посёлок. Сергей к турбазе, договаривается о генераторе и дизеле. Если получится ведёт людей туда. Если нет ждёт нас.

— А если не вернёмся?

— Тогда Григорий решает. У него ружья, люди, стена. Он справится. Без нас дольше, но справится.

— А если Лёша — врёт? Если Паша — ошибается?

— Паша не ошибается. Ты сама видела с больными. Он

чувствует. Не как человек как что-то, что стало больше человека.

— Это — пугает.

— Да. Но полезно.

Елена повернулась к нему.

— Артём. Если мы дойдём до терминала — и там — запись Веры. Что дальше?

— Дальше узнаем, что она знала. И решаем.

— А если она знает, кто атаковал лабораторию?

— Тогда у нас враг. С именем.

— И что?

— И всё. Мы не армия. Мы четверо с одним экзоскелетом и стариком, который слышит ложь. Мы не победим. Но будем знать, от кого бежать.

Елена не ответила. Но руку — положила. На его ладонь. Как вчера. Тихо, как кладут что-то хрупкое.

Он сжал.

Утро. Серое, туманное, с запахом гари — слабым, но постоянным. Дым из долины не шёл — нёсся, плыл, стлался по земле, как живое.

Артём собрал тех, кто шёл. Елена рюкзак, пистолет, аптечка. Лёша палка, рюкзак, хромота. Паша ничего. Руки за спиной, лицо спокойное, глаза внимательные. Шёл босиком ботинки снял, сказал: «Мешают. Чувствую ногами».

Григорий у баррикады. Прощались — коротко.

— Сколько вас? — спросил он.

— Четверо.

— Когда вернётесь?

— Трое суток. Если не вернёмся на четвёртые — решаете сами.

— Далеко?

— Лаборатория «Заслон». Шестьдесят километров на север.

— На север — город. Хаос.

— Знаю. Обойдём. По лесу, по горам.

Григорий кивнул. Не спорил. Не просил. Понимал.

— Мы — подождём. Сергей к турбазе?

— Да. Договоритесь — ведите людей. Не договоритесь — держите посёлок.

— У меня — ружья. У них — ружья. Договоримся.

Артём надел экзоскелет. Тридцать процентов. Индикатор зелёный, но бледный. Он не смотрел. Четыре часа активного, восемь экономного. Шестьдесят километров два дня пути. По лесу может, три. Батарея на грани.

— Готовы?

— Готовы, — Елена.

— Готовы, — Лёша.

— Идём, — Паша. Первым.

Шли на север. Лёша — вел, по тропам, которые помнил. Или по тем, которые узнал в «Гелиосе». Артём не спрашивал. Паша шёл рядом с Лёшей, молча, и смотрел. Слушал. Тем, что выросло в нём.

Первые часы лес, тропа, тишина. Нормальная, лесная, с птицами и ветром. Дым далеко, за горами. Вирус далеко, в долине. Люди далеко, в посёлке.

Артём думал. Не о дороге о Вере. «Не ищи меня. Ищи данные». Что знала Вера, чего не знал он? Зачем данные? Что в них — такого, что важнее её жизни?

Вера аналитик. Не инженер, не военный. Она думает системами, связями, вероятностями. Если она оставила данные значит, в данных система. Не один факт картина. Картина, которая объясняет, кто, зачем и почему.

Кто атаковал лабораторию. Зачем данные. Почему вирус вышел. Кто заказал. Кто потерял контроль. Кто сейчас пытается его вернуть. Или не пытается, а использует.

Если «Гелиос» заказчик, а «Прометей» исполнитель, то кто третий? Те, кто атаковали лабораторию, не «гелиосовские», по словам Лёши. Не военные. Кто-то ещё. Четвёртая сторона. В мире, где было три игрока корпорации, государства, вирус появилась четвёртая. И эта четвёртая забрала Дроздова и серверы. Значит им нужен не вирус, не броня. Им нужна информация. Та, которая в данных.

Артём ускорил шаг. Экзоскелет гудел, но тихо — эконом-режим. Батарея таяла. Он не смотрел.

На привале у ручья, в густом ельнике — Лёша сел первым. Нога — разная, опухла. Елена перебинтовала, молча, профессионально. Лёша не стонал.

— Больно? — Елена.

— Больнее — было.

— Когда?

— Когда бежал.

Паша стоял у ручья. Смотрел на воду. Потом повернулся. Быстро, как делал это с больными. Нос к ветру.

— Кто-то идёт, — сказал он.

Все замерли. Артём — рука на АК.

— Где?

— Сзади. Далеко. Километр. Может, полтора.

— Сколько?

— Двое. Нет — трое. Идут быстро. Не крадутся — идут.

— Откуда?

— От посёлка. По нашему следу.

Артём посмотрел на Елену.

— Мародёры?

— Если бы крадлись — да. Но идут открыто. Может свои.

— Может.

Они ждали. Минуты. Артём с АК, у дерева. Елена с пистолетом, за камнем. Лёша на земле, нога вытянута. Паша стоял, слушал.

Через десять минут — треск веток. Шаги. И голос.

— Артём! Артём, стой!

Голос знакомый. Артём не сразу узнал. Сергей.

Сергей вышел из кустов — мокрый, запыхавшийся, с рюкзаком. За ним — Наташа, с пустыми руками. И — Геннадий. С дробовиком.

— Вы чего? — Артём.

— Мы с вами, — Сергей, сгибаясь, хватая воздух. — Григорий остался. Наташа с ним. Геннадий тоже. Мы за вами. С утра. Не сразу заметили вы рано вышли.

— Зачем?

— Затем, что вы четверо. Против всего. Нужны руки. Нужен Геннадий он стреляет. И нужен я — я не стреляю, но таскаю. И Наташа она... он посмотрел на неё. — Наташа медик. Не Марина, но фельдшер. Три года работала на скорой. До того, как уволили.

Артём посмотрел на Елену. Она на него.

— Ты знала? — он.

— Нет. Не знала, что она фельдшер. Не спрашивала.

— Почему не сказала? — Артём к Наташе.

— Не спрашивали, — ответила Наташа. Первый раз длинная фраза. Голос тихий, ровный, с хрипотцой. — Я не врач. Фельдшер. Не оперирую, не диагностирую. Но перевязать, уколоть, могу.

— Семерых вместо четверых, — Елена. — Медленнее, громче, заметнее. Но сильнее.

— Геннадий? — Артём.

Лесоруб молчал. Дробовик на ремне, лицо — каменное. Потом коротко:

— Паша — мой. Он — дед. Я с ним.

Артём посмотрел на Пашу. Старик стоял у ручья и смотрел на Геннадия. Что-то прошло между ними. Не слова ти-

ше. Геннадий за тридцать лет ни разу не сказал Паше «дед». Всегда «Паша» или «ты». А теперь «дед». И Паша услышал.

— Ладно, — сказал Артём. — Идём. Но тихо. И по моему.

Семеро. Двое с оружием, один в броне, один с обострённым слухом, один фельдшер, один лесоруб, один хромающий. Не отряд — обрубок. Но обрубок, который шёл вперёд.

К вечеру вышли к окраинам. Не к городу к промзоне. Краснодар на севере, за полем и дорогой. Лаборатория «Заслон» на территории старого завода, в семи километрах от жилых кварталов. Лёша повёл обходом, по насыпи заброшенной железнодорожной ветки.

Город виден. Не целиком заревом. Краснодар горел. Не весь кварталами, пятнами, как проступь на коже. Дым чёрный, густой, столбами. Звуков почти не было. Иногда далёкий, короткий. Выстрел или взрыв отсюда не различить.

— Там ад, — сказал Сергей.

— Там было, — ответил Артём. — Сейчас то, что после ада.

Лёша молчал. Елена тоже. Паша шёл, смотрел на город, и лицо его было не испуганным. Сосредоточенным. Как будто слушал не ушами всем, что в нём стало.

— Горячо, — сказал он. — Там много горячих. Больных. Сотни. Может тысячи.

— Отсюда чувствуешь?

— Отсюда да. Как запах. Чем ближе сильнее. Если подойдём ближе к городу будет... трудно.

— К лаборатории — не в город. Обход.

— Обход — лучше. Но и там будет. Не так много, но — будет.

Ночью в заброшенном цеху. Стены бетон, крыша ржавый профнастил, окна без стёкол. Ветер гулял, как в сквозняке. Холодно осень, горы, ночь. Жгли горелку маленькую, экономно. Семеро вокруг тесно.

— Завтра — лаборатория, — Артём. — Лёша, как подойти?

— С юга. Через промзону, мимо складов. Два километра от железной дороги. Забор — был. Ворота — были. Не знаю — сейчас.

— Охрана?

— Была до атаки. После не знаю. Если атакующие ушли может, пусто. Если остались проблема.

— Если остались уходим, — Елена. — Задача терминал, не бой.

— Согласен, — Артём.

Паша сидел у горелки. Глаза открыты, смотрел в огонь. Потом поднял голову.

— Там кто-то есть.

— Где? — Артём.

— В лаборатории. Не много. Двое. Может, трое. Не больные — другие. Но не пусто.

— Ты чувствуешь за два километра?

— За два — слабо. Как шум. Но есть.

Артём и Елена переглянулись.

— Двое-трое — не проблема, — Геннадий. Первые слова за вечер.

— Если вооружены — проблема, — Лёша.

— Если вооружены, я вперёд, — Артём. — Броня держит. АК решает. Вы сзади, на подхвате.

— А батарея? — Елена.

Артём помолчал.

— Батарея на исходе. Если будет бой хватит на один. Один и всё. Потом экзоскелет мёртвый вес.

— Тогда без боя, — Елена. — Тихо. Паша слушает, ведёт. Мы за ним. Если кто-то есть обходим или ждём. Броня последний аргумент, не первый.

— Ладно, — Артём. — Тихо.

Утро. Туман густой, белый, как молоко. Видимость двадцать метров. Артём надел экзоскелет, проверил. Индикатор он посмотрел. Восемнадцать процентов. Два часа активного. Может, три если не бежать.

Шли гуськом, молча. Паша впереди, босиком, бесшумно. Лёша за ним, хромая, но тихо. Артём третий, экзоскелет на эконом-режиме, каждый шаг тихий, приводы на минимуме. Елена, Геннадий, Сергей, Наташа за ним.

Промзона — пустая. Цеха, склады, вышки, ржавые ворота. Без людей, без машин, без звуков. Только туман и ржавчина.

— Стоп, — Паша. Шёпот. — Впереди забор. И кто-то.

Один. Сторожит.

— Где? — Артём.

— У ворот. Сидит. Не двигается.

— Спит?

— Нет. Сидит. Курит. Чувствую — табак.

Артём выглянул из-за цеха. Забор бетонные плиты, два с половиной метра. Ворота металлические, приоткрыты. У ворот на ящике сидел человек. В куртке, с ружьём на коленях. Курил. Один.

— Один? — Елена.

— Один. Но — Паша сказал — двое-трое. Значит, ещё кто-то внутри.

— Обойдём? — Сергей.

— Забор сплошной. Перелезть можно, но экзоскелет шумит. Лучше ворота. Тихо.

— Может поговорить? — Лёша. — Он один. Если не враг пустит.

— А если — враг?

— Тогда экзоскелет, — Лёша.

Артём думал. Секунды. Человек у ворот — не военный, не мародёр. Сидит, курит, ружьё на коленях, не в руках. Сторож. Не боец.

— Иду один, — сказал он. — Елена за мной, с пистолетом, на расстоянии. Остальные здесь. Если крик не суйтесь. Если выстрел отходите.

— Артём... — Елена.

— Если всё плохо экзоскелет. Если хорошо мы внутри.

Он вышел из-за цеха и пошёл к воротам. Открыто, не таясь. Броня на виду, АК на ремне. Человек у ворот поднял голову, и Артём увидел: глаза не испуганные. Усталые. Человек, который сторожил и устал сторожить.

— Стоять, — сказал человек. Встал, поднял ружьё. Не в уровень груди в уровень живота. Держал неуверенно. — Кто?

— Артём. Инженер. Я тут работал. До.

— Работал, человек посмотрел на экзоскелет. На броню. На АК. — Тут не работают. Тут горят.

— Я знаю. Мне нужен седьмой ангар.

— Зачем?

— Данные. Мои данные. Я их оставил — и хочу забрать.

Человек помолчал. Опустил ружьё — не совсем, но ствол — вниз.

— Седьмой ангар цел. Но там... он замялся. — Там кто-то есть. Мы не входили. Боимся.

— Кто — вы?

— Охрана. Осталась. Трое. Когда все ушли — мы остались. Сторожим. Не знаю — зачем. Может ждали, что вернутся.

— Вернутся — кто?

— Начальство. Дроздов. Вера. Может, вы.

— Дроздов — не вернётся, — сказал Артём.

— Я знаю, — ответил охранник. — Но ждали.

Ворота — открыты. Артём вошёл первым. Елена за ним, с пистолетом. Охранник шёл впереди, показывал дорогу.

Территория разрушена. Не вся два ангара выгорели дотла, стены чёрные, крыши нет. Серверная точнее, то, что от неё осталось обугленный остов, без стен, без крыши. Пепел и провода.

Седьмой ангар цел. Стены бетон, дверь металлическая, с замком. Замок сбит. Дверь приоткрыта. Не на распашку щель, ладонь пройдёт.

— Не входили? — Артём.

— Нет, охранник. — Боялись. После атаки там... звуки были. Как компьютер. Гудел. Потом тише. Потом затих. Мы не входили.

Артём посмотрел на Елену. Потом на Пашу. Старик стоял в десяти метрах, наклонив голову. Слушал.

— Внутри один, — сказал Паша. — Не больной. Но не тот, кто сторожит. Другой. Странно пахнет. Как... металл, но не ваш. И нет страха. Совсем. Это страшнее всего.

Артём положил руку на АК. Другую на край двери. Металл холодный, сухой. Он потянул. Дверь открылась медленно, со скрипом. Внутри темнота. Запах нагретой электроники и пыли.

Артём шагнул внутрь. Экзоскелет эконом-режим, тишина. Фонарь включил, луч прорезал темноту.

Ангар пуст. Стены голые. Пол бетон. У дальней стены стол. На столе монитор, клавиатура, терминал. Тёмный, вы-

ключенный.

Перед терминалом — стул. На стуле — никто.

Но на полу, перед столом — следы. Ботинки. Много. Недавние. И одно кресло, сдвинутое в сторону. И кружка, пустая, с пятном кофе на дне. Тёплым.

Артём потрогал кружку. Тёплая.

Кто-то был здесь. Сегодня. Может час назад. Может меньше.

Он посмотрел на терминал. Выключенный. Потом на дверь. Потом на Елену, которая вошла за ним.

— Кто-то был, — сказал он. — Недавно.

— Терминал? — Елена.

— Выключен.

— Может отключился, когда питание кончилось.

— Может. А может — выключили.

Артём подошёл к терминалу. Нажал кнопку питания. Ничего. Проверил провода — подключены. Проверил розетку — мертвая. Генератор не работал, электричества нет.

— Нужно питание, — сказал он. — От экзоскелета. Можно подключить напрямую. Напряжение другое, но через контроллер...

— Артём, — Елена. Тихо. Не перебивая — предупреждая.

Он обернулся.

В дверях ангара, в полосе туманного света, стоял человек. Невысокий, в тёмной куртке, с капюшоном. Руки в кар-

манах. Лицо в тени.

— Пароль, — сказал человек. Голос женский. Знакомый. Сердце Артёма остановилось. На секунду на одну секунду, которая длится вечность.

— Экзоскелет, — ответил он.

Человек снял капюшон.

Вера.

Живая. Худая, с тёмными кругами под глазами, с короткой стрижкой — раньше были длиннее. Но живая. Стояла в дверях ангара, и в руках у неё — не оружие. Ноутбук. Маленький, закрытый.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала она. — Но не думала, что так быстро.

Глава 6 Торг

Артём не шевельнулся. Ни к автомату, ни к Вере. Просто смотрел.

— Ты знала, что я приду, — сказал он. — Но не думала, что быстро. А я шёл, пока батарея была. Пока Паша слышал. Пока люди ждали.

Вера кивнула. Без улыбки. Без дрожи в голосе.

— Я оставляла следы. Не для тебя — для тех, кто пойдёт следом. Чтобы они думали, что ты один. Что ты — цель.

Елена шагнула вперёд. Пистолет не наведён, но в руке, пальцы расслаблены, но готовы.

— Следы? Кружка?

— Да. Кружка — моя. Следы — мои и ещё одного. Он ушёл за час до вас.

— Кто?

— Человек из четвёртой стороны. Тот, кто забрал Дроздова. Он приходил сюда. Искал данные. Не нашёл — я их забрала.

Она подняла ноутбук — тонкий, чёрный, с царапиной на крышке.

— Здесь. Всё. Координаты лабораторий «Прометей». Данные по вирусу. Схемы распылителей «Гелиоса». И список тех, кто заказал.

Артём сжал кулак. Экзоскелет тихо щёлкнул — сервопри-

вод среагировал на усилие.

— Список, — повторил он.

— Там есть имена, которые ты знаешь. Не просто чиновники. Не просто директора. Те, кто стоял над всеми. Те, кто говорил: «делайте быстрее», когда мы кричали: «опасно».

Паша стоял у входа. Не смотрел на Веру слушал. Потом тихо сказал:

— Она не врёт. Но... в ней — другое. Не заражение. Не вирус. Что-то... как металл. Как ток. Не её.

Вера посмотрела на Пашу — будто впервые увидела не старика, а того, кем он стал.

— Это не вирус, — сказала она. — Это — защита. Мне вшили модуль. Чтобы я не сгорела от данных. Чтобы не сломалась. Он считывает угрозы. Меняет пульс. Держит меня в сознании.

— Модуль, — Артём. — Кто?

— Те, кто знал, что будет атака. Те, кто хотел, чтобы данные выжили. Не ради спасения мира. Ради торга.

Лёша, хромая, подошёл ближе. Оперся на палку.

— Торг, — сказал он. — Значит, ты собираешься обменивать данные на что-то. На безопасность. На эвакуацию. На жизнь.

— На возможность, — Вера. — Не на спасение. На шанс. Шанс ударить первыми.

— Ударить? — Елена. — У нас — семнадцать человек. Ружья. Один экзоскелет. И старик, который слышит ложь.

— У нас информация, — Вера. — А информация это оружие. Особенно когда она бьёт по тем, кто думал, что невидим.

Артём сел на край стола. Экзоскелет тяжёлый, батарея — 18%. Он не смотрел на индикатор. Смотрел на ноутбук.

— Покажи, — сказал он.

Вера открыла крышку. Экран тусклый, эконом-режим. Карта. Точки. Красные. Много.

— Лаборатории «Прометей», — сказала она. — Все действующие. И три — скрытые. О них знали только Дроздов и я.

Следующая вкладка — таблица. Строки. Имена. Даты. Суммы.

— Заказчики, — Вера ткнула пальцем. — Смотри на третью строку.

Артём посмотрел. И почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Имя — знакомое. Не враг. Не чужой. Тот, кто подписывал бюджеты. Кто говорил: «мы делаем добро». Тот, кто однажды пожал ему руку и сказал: «держись, инженер».

— Он, — Артём. — Он заказал?

— Он — один из цепочки. Не главный. Но ключевой. Без него не было бы финансирования. Без него не было бы вируса.

Елена подошла, встала рядом. Прочитала. Побледнела.

— Если это выйдет наружу...

— Выйдет, — Вера. — Если мы не умрём сегодня. Если

не сторим завтра. Если город не станет могилой.

Паша подошёл к столу. Положил руку на край.

— Ещё, — сказал он. — Что ещё ты скрываешь?

Вера не отвела глаз.

— Дроздов жив. Его допрашивают. Не пытками — логикой. Они хотят знать, как остановить вирус. Хотят знать, есть ли антитот. Дроздов — не говорит. Или говорит не то.

— Почему ты не пошла к нему?

— Потому что он бы меня выдал. Не специально. Под давлением. Он — человек. Я — нет.

Слово повисло в воздухе.

«Я — нет».

Артём поднял голову.

— Что значит — нет?

— Значит я сделала выбор. Я перестала быть той, кем была. Чтобы выжить. Чтобы сохранить данные. Чтобы дать вам шанс.

Лёша стоял, опираясь на палку.

— Шанс, — сказал он. — А что ты хочешь взамен?

— Ничего, — Вера. — Кроме одного: чтобы вы поняли. Мы не можем прятаться. Мы не можем ждать. Мы должны стать опасными. Настолько опасными, чтобы нас боялись трогать.

— Как?

— Раскроем список. Не везде. Не сразу. Сначала тем, кто может ударить в ответ. Тем, кто ненавидит тех, кто наверху.

Елена покачала головой.

— Это война.

— Это выживание, — Вера. — Война уже идёт. Мы просто не видели фронта.

Артём встал. Экзоскелет загудел — тихо, предупреждая. Батарея на грани.

— Мы не можем использовать данные как оружие, — сказал он. — Мы не убийцы.

— Ты не убийца, — Вера. — Но ты инженер. Ты знаешь, как работают системы. Ты знаешь, где слабые места. Список это карта. Карта, по которой можно ударить так, чтобы они перестали дышать.

— Или чтобы они ударили в ответ. И убили всех в посёлке.

— Тогда ударь первым. Так, чтобы у них не осталось сил. Паша шагнул вперёд.

— Она хочет, — сказал он. — Она не просто говорит. Она уже решила. Для неё — это не план. Это приказ.

— Приказ? — Артём.

— От модуля. Или от тех, кто его вшил. Я не знаю. Но в ней — не одна воля.

Вера закрыла ноутбук.

— Воля — моя, — сказала она. — Модуль только помогает мне не сойти с ума от того, что я знаю.

Артём посмотрел на Елену. Она на него.

— Решение твоё, — сказала она. — Но помни: в посёлке

пятьдесят три человека. Трое в карантине. Подросток, который выздоравливает. И он меняется. Как Паша. Только быстрее.

— Сергей, — вспомнил Артём. — Он должен был идти к турбазе. За генератором. За дизелем.

— Он пойдёт, — Лёша. — Если сможет. Если блокпост не станет стеной.

Артём снял шлем. Голова — тяжёлая. Мысли — тяжёлые.

— Хорошо, — сказал он. — Пока ничего не раскрываем. Сначала посёлок. Сначала люди. Сначала дизель. Потом решения.

— А если они придут за мной? — Вера.

— Тогда мы будем готовы.

Паша вдруг поднял голову. Слушал. Не ушами — всем собой.

— Они уже близко, — сказал он. — Не сюда. В город. Но близко.

Они вышли из ангара. Туман стал гуще. Воздух — тяжелее. Пахло гарью и металлом.

Сергей, Геннадий, Наташа ждали у ворот. Охранник — всё ещё там, сидел на ящике, ружьё на коленях.

— Ну? — Сергей. — Что?

— Вера, — Артём. — Жива. Данные у неё.

Геннадий посмотрел на Пашу. Паша на него. Кивнул.

— Значит, идём назад, — сказал Геннадий. — К людям.

— Назад, — Артём. — Сначала к посёлку. Потом к тур-

базе. Дизель. Генератор. Связь.

Наташа шагнула вперёд.

— У меня есть аптечка, — сказала она. — И кое-что ещё. Таблетки. Не от вируса. От паники. От страха. Если понадобится.

Елена посмотрела на Артёма.

— Батарея? — тихо.

— Восемнадцать процентов, — он не стал врать. — На обратный путь — хватит. Если не будет боя.

— Если будет?

— Тогда без брони.

Они пошли. Гуськом. Паша впереди. Лёша за ним, хро-мая. Артём в середине, в экзоскелете, который становился всё тяжелее. Вера рядом с ним. Молчала.

Через час — лес поредел. Появились поля. Дорога старая, разбитая, с трещинами, в которых росла трава.

Паша остановился. Поднял руку.

— Слушайте, — сказал он.

И они услышали.

Сначала как будто ветер. Потом как будто гудок. Потом ясно.

Сирена.

Длинная. Ровная. Непрерывная.

Не выстрел. Не взрыв. Сигнал.

Эвакуация.

Только эвакуироваться — некуда.

Город горел. Посёлок был в кольце. Турбаза под вопросом. Лаборатории под ударом. А список в ноутбуке у женщины, которая перестала быть человеком, чтобы спасти данные.

Артём остановился. Посмотрел на Веру.

— Это они? — спросил он.

Она кивнула.

— Да, — сказала она. — Это они. Они запускают протокол. И теперь — они знают, что мы здесь.

Сирена выла. И казалось, что она зовёт не на выход — а в ловушку.

Артём поднял автомат.

— К посёлку, — сказал он. — Быстро. И тихо.

Они побежали. Не как отряд. Как люди, которые поняли: время прятаться закончилось. Время выживать — началось.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.